

Александр Харников
Максим Дынин

ТУРЕЦКИЙ МАРШ

ВОЕННАЯ ФАНТАСТИКА

Военная фантастика (АСТ)

Александр Харников

Турецкий марш

«Издательство АСТ»

2020

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

Харников А. П.

Турецкий марш / А. П. Харников — «Издательство АСТ»,
2020 — (Военная фантастика (АСТ))

ISBN 978-5-17-133594-6

Крымская, или Восточная, война 1853–1856 гг. велась объединенными силами Британии, Франции, Турции и Сардинии против Российской империи на многих театрах боевых действий. Атакам союзников подверглись Соловецкие острова, Кола, Бомарзунд и Свеаборг, Петропавловск на Камчатке и главные порты России на Черном море – и Одесса и Севастополь. Но неожиданно на помощь Российской империи пришли неведомо как оказавшиеся в XIX веке корабли Балтфлота РФ. С помощью их на Балтике была разбита объединенная англо-французская эскадра, на Черном море деблокирован осажденный Севастополь и отогнаны от российских берегов корабли союзников. Русские заставили Австрию вывести войска из занятых ею Дунайских княжеств. Настало время двинуть армию к границам Османской империи. И там, подойдя к стенам древнего Царьграда, подписать мирный договор, который, как предполагал царь Николай I, положит конец долгому российско-турецкому противостоянию.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-133594-6

© Харников А. П., 2020
© Издательство АСТ, 2020

Содержание

Пролог	6
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Александр Харников, Максим Дынин

Турецкий марш

© Александр Харников, 2020

© Максим Дынин, 2020

© ООО «Издательство АСТ», 2020

* * *

Пролог

13 (1) ноября 1854 года, за несколько часов до рассвета.

Берег Дуная у Галаца.

Поручик Коган Евгений Львович, начальник артиллерии Первой самоходной батареи Корпуса морской пехоты Гвардейского флотского экипажа

На той стороне Дуная трижды мигает фонарь. Я шепчу про себя молитву Пресвятой Богородице, закрываю люк, и моя «ноночка» первой осторожно спускается к великой реке, истоки которой располагаются на юго-западе немецких земель, в горах Шварцвальда, в полутора тысячах километров западнее. Здесь же Дунай лениво, не спеша, несет свои воды по широкой и ровной степи к уже недалекому Черному морю.

Наше командование провело качественную работу по дезинформации противника. Турки твердо уверены, что наше генеральное наступление начнется восточнее Галаца, напротив Орловки у Измаила. Еще вчера вечером десятки тысяч наших солдат и офицеров находились севернее реки. Но с наступлением темноты вся эта махина людей и плавсредств пришла в движение и началась переправа – сначала на гребных судах, а потом к делу подключились колесные пароходы, отчаянно дымящие трубами баркасы и спешно сколоченные из сырого леса паромы с подвесными моторами. А теперь пришла и наша очередь. Что ж, как сказал Гай Юлий Цезарь, переходя Рубикон – пограничную речку, отделявшую Галлию от территории собственно Римской республики, *alea iacta est* – жребий брошен. Операция по освобождению Добруджи началась.

Урча двигателем, «нона», задрал нос, выкарабкалась на берег и осторожно вползла вверх по склону, туда, где опять замигал светодиодный фонарь. Вскоре к ней присоединились еще три машины, а затем с понтонов на берег сошли грузовики с имуществом взвода и приданный нам бензовоз. На секунду луна выглянула сквозь тучи, и передо мной открылась величественная картина переправы русского войска.

Рядом с нами находились люди в таком же камуфляже, что и у нас, а мимо в предрассветной темноте двигалась пехота в мундирах эпохи императора Николая I. Вслед за ней, позвякивая уздечками и оружием, шла конница. Всадники крепко сидели в седлах, кони всхрапывали и скользили копытами по глинистому берегу. Я поймал себя на мысли, что уже не нахожу ничего странного в том, что рядом с боевой техникой начала третьего тысячелетия можно увидеть униформу и оружие середины XIX века...

Когда-то, как мне сейчас кажется, уже давным-давно – около полутора веков тому вперед – я служил срочную на такой же «ноночке» в российской армии. После службы я окончил институт, а потом поступил на работу оператором на RT. Один из моих лучших друзей, а по совместительству мой крестный, Ник Домбровский, уговорил меня отправиться вместе с ним на первое самостоятельное задание – ему предстояло сделать репортаж о походе учебного корабля Балтфлота «Смольный» к берегам Скандинавии.

Вот только в конце этого вояжа мы, по неизвестной до сих пор причине, каким-то чудом оказались в 1854 году, в самой гуще боевых действий. На Россию напали англичане, турки и французы. Началась война, которая в нашей истории получила название Крымской. К стыду своему, я плохо знал отечественную историю, и мне не было известно, что боевые действия велись не только в Крыму, но и во многих других местах.

Мы попали на Балтику, где объединенные силы Англии и Франции осадили недостроенную русскую крепость Бомарзунд, расположенную на Аландских островах. В нашей истории ее захватили после недолгой осады. В истории, в которую мы попали (я чуть было не сказал – вляпались), мы сумели предотвратить захват крепости. Более того, мы уничтожили или пле-

нили практически всю объединенную англо-французскую эскадру вкуче с французским экспедиционным корпусом.

Затем мы ухитрились перебросить часть нашей «эскадры нового строя» по внутренним российским коммуникациям из Балтики в Черное море. Там мы сумели нанести поражение англо-франко-турецкому флоту и уничтожить крымскую группировку противника. Англичане попытались было вновь прорваться на Балтику, попутно в третий раз за какие-то полсотни лет обстреляв Копенгаген, но наши корабли успели прийти на помощь датчанам и обнулить противника.

Наш небольшой крейсерский отряд, базируясь на Фарерских островах, принадлежащих Дании, в настоящее время действует в Ирландском и Северном морях, сумев фактически блокировать Британские острова и перехватить морские пути, связывавшие Метрополию с ее колониями. Дунайской же армии, служить в которой мне выпала честь, поставлена задача освободить европейские земли, все еще находящиеся под турецким игом, и совершить молниеносный бросок на Константинополь. И мои «ноны», смею надеяться, сыграют в этом не последнюю роль.

13 (1) ноября 1854 года.

Лондон.

Баронет сэра Теодора Фэллона, жиголо с дворянским титулом

Когда мы уселись на пароходик с женским именем «Матильда», человек в цивильном с приклеенной улыбкой (который, как ни странно, даже мне не представился) спросил:

– Ну и что вы хотели бы посмотреть в Лондоне, сэра Теодор? А то у нас еще уйма времени – виконт Палмерстон ожидает вас только к четырем часам.

– Ну, я хотел бы увидеть Тауэр...

– Это всегда успеется, – мой сопровождающий чуть хохотнул, да так, что у меня мурашки по спине пошли. – Давайте начнем с лондонского Сити. На все времени явно не хватит, поэтому посмотрим римскую стену, собор Святого Павла, погуляем по местным улочкам, а потом пообедаем в моем клубе.

– Хотелось бы посмотреть Британский музей, Трафальгарскую площадь, Букингемский дворец, Гайд-парк...

– А вы неплохо осведомлены о местных достопримечательностях, сэра Теодор. Уже бывали в Лондоне?

Я ответил фразой из анекдота:

– Пока нет, но уже хотелось.

Тот снова дежурно улыбнулся и продолжил:

– Я все это вам покажу, наверное, завтра. Тогда же мы посетим и Национальную галерею. А сегодня у нас в программе после Сити Вестминстер – Вестминстерское аббатство, Парламент, Дом Банкетов – это, знаете ли, последний оставшийся фрагмент Вестминстерского дворца – все остальное сгорело двадцать лет назад.

– Биг-Бен?

– А что это такое? – с недоумением спросил не представившийся мне сэра.

– Ну, это башня с часами у Парламента.

– То есть Елизаветинская башня? Так она еще не достроена до конца.

– А Даунинг-стрит?

Тот посмотрел на меня с изумлением.

– Однако, сэра Теодор. Именно там, под номером десять, и назначена ваша встреча с премьер-министром. Но там, уверяю вас, ничего интересного – здание уже двадцать лет простаивает, разве что иногда там происходят встречи вроде вашей. Ладно, все это потом, а пока

наслаждайтесь панорамой города с реки – вряд ли нечто подобное есть хоть в одном городе мира.

«А вот фигурки, – злорадно подумал я. – Ты, гад, в Питере еще не был». Вслух же сказал:

– А как мне вас величать?

– Извините, сэр Теодор. Зовите меня... сэр Генри. Увы, но полного своего имени я вам не могу назвать. Пока не могу... – И сэр Генри, если это и в самом деле было его имя, поклонился и умолк.

Минут через сорок мы пришвартовались у пирса недалеко от Тауэра, после чего последовала обещанная прогулка по Сити. Больше всего меня поразил, наверное, обещанный клуб – прекрасное здание в итальянском стиле, вышколенные слуги, проводившие нас в отдельный кабинет. Вот только моего спутника дворецкий назвал сэром Стэффордом, на что тот чуть покраснел, но не стал его поправлять.

Потом мы вернулись все на том же парходике в Вестминстер и, после осмотра достопримечательностей, пришли в то самое здание, где в мое время обитали такие неадекваты, как Тони Блэр и Дэвид Камерон, в бытность их премьер-министрами сей, на тот момент уже кастрированной, «великой» державы. Даже на фасаде облезала краска, крохотный садик был изрядно запущен, да и внутри здание пахло затхлостью и пылью. Сэр Стэффорд – он же сэр Генри – поклонился на прощание и куда-то исчез, а меня молчаливый слуга провел в небольшой кабинет на втором этаже, где предложил портвейн и сигару и попросил немного подождать. Портвейн был, на мой вкус, слишком сладким, но вполне достойным (хотя похуже, чем тот, которым меня поила ее величество Вика), сигару же я курить не стал – не мое это. Через несколько минут в комнату вошли двое моих старых знакомых – виконт Палмерстон, с лысиной, обрамленной буйными седыми волосами, и молодой Каттлей.

– Рады вас видеть, сэр Теодор – ведь так вас теперь именуют? – произнес виконт тоном, в коем при всем его дружелюбии чувствовалась нота «ты нам не ровня».

Я лишь улыбнулся:

– Взаимно, виконт и мистер Каттлей.

Дальнейший разговор, к моему вящему удивлению, был поначалу практически точным повторением нашей беседы в Шотландии. Я мысленно поблагодарил Женю Васильева за то, что он тщательно вбивал в мою голову легенду и то, что мне следовало и разрешалось донести до неприятеля. Вопросы задавались по-разному, с разных точек зрения, и я пару раз чуть не влетел – то, что знал Федор Ефремович Филонов, не обязательно должно быть известно сэру Теодору. Примерно через час мои собеседники переглянулись, и Каттлей мне торжественным тоном доложил:

– Ну что ж, сэр Теодор. Про ваше существование будут знать немногие. Кроме того, даже для этих немногих вы всего лишь гость нашего правительства, бежавший от русской тирании.

– «Он выбрал свободу!» – не удержавшись, процитировал я расхожий американский пропагандистский штамп времен Холодной войны и сразу же пожалел, что вовремя не прикусил себе язык. Но, как ни странно, Палмерстон лишь широко улыбнулся мне улыбкой Чеширского кота:

– Именно так, сэр Теодор, именно так. У вас, оказывается, талант ратора. Именно так – для практически всех вы выбрали свободу и ее величество милостиво предоставила вам убежище и необходимые средства для ведения достойного образа жизни. То, что этим дело не ограничивается, знают весьма немногие: ее величество, я и господин Каттлей. Настоятельно прошу вас более ни с кем не откровенничать по этому поводу.

– Я вас понял, господин премьер-министр.

– Еще не премьер-министр, сэр Теодор, я еще только исполняющий обязанности – Парламент пока не утвердил мою кандидатуру. Так вот, хотелось бы у вас узнать про некоторых лиц из вашего будущего. Начнем с адмирала Кольцова.

А вот хрен вам, подумал я про себя. Мы с Женей и этот вопрос подробно обсудили.

– Адмирал Кольцов боевым морским офицером не является. Да и вообще он был не на самом лучшем счету среди своих коллег и сумел сделать карьеру, лишь используя личные связи. В нашем будущем его потому и назначили командующим группы кораблей, отправлявшейся с визитом в Южную Америку, так как делать при этом было практически нечего, а человек в чине капитана первого ранга, каковым он являлся на тот момент, нужен был лишь для того, чтобы наши венесуэльские партнеры не обиделись.

Мысленно попросив у Дмитрия Николаевича прощения за ту чушь, которую про него рассказывал, я продолжал в том же духе и про него, и про командиров других кораблей, и про полковника Сан-Хуана, каждый раз смакуя тот факт, что «в наше время» они были намного ниже рангом и ни в каких боевых действиях не участвовали. Получалось, что то, что произошло на Балтике и в Крыму, увенчалось успехом лишь потому, что им «просто повезло», да и оружие у них все-таки было гораздо лучше. Да, подумал я, «пою» я ничуть не хуже среднестатистического оппозиционера из моего времени...

В дверь осторожно постучали. Палмерстон посмотрел на часы и сказал:

– Простите, сэра Теодор, но уже шесть часов, и у меня сегодня, увы, дела. Давайте встретимся с вами завтра здесь же в половину седьмого. Я привезу своего повара, и мы поужинаем вместе с мистером Каттлеем и заодно продолжим столь интересную беседу. Тогда же мы сможем обсудить с вами наше дальнейшее сотрудничество, которое, как мне кажется, имеет все шансы стать долгосрочным и очень плодотворным для всех. А сегодня вас, насколько мне известно, ожидает весьма неплохой ужин в Голландском доме.

За дверью нас ждал сэра Стэффорд. Палмерстон улыбнулся:

– Сэра Теодор, позвольте вам представить сэра Стэффорда Генри Норткота, баронета Соединенного Королевства. Именно он будет вас опекать в вашем «выборе свободы».

После обычных в таком случае «хау ду ю ду»¹ Пальмерстон продолжил:

– Сэра Стэффорд, будьте так добры, привезите сюда сэра Теодора завтра в половине седьмого вечера.

– Сделаю, виконт. Сэра Теодор, идемте, пароход уже ждет нас.

Но, к моему удивлению, «Матильда», не пройдя и мили вверх по течению, после очередного изгиба реки причалила к какому-то пирсу, где сэра Стэффорд передал меня с рук на руки шести вооруженным людям в красной форме, которые «предложили» мне перебраться на другой пароход, чьего названия я не успел прочитать. Там меня поместили в каюту с зашторенными иллюминаторами. Впрочем, меня не третируют, а усадили за дубовый столик и напоили чаем, но ни на один мой вопрос не ответили. Единственное, что мне показалось, – это то, что мы опять развернулись и пошли в направлении, откуда только что приплыли. Высадили меня у каких-то мостков, рядом с которыми я с дрожью разглядел мрачные стены Тауэра. Меня передали десятку людей в такой же форме, но с алебардами в руках. Те, не говоря ни слова, повели меня внутрь через неприметную дверцу в стене. Интересно, подумал я, обменяют меня на их шпионов или я проведу остаток своей жизни в мрачных подземельях лондонской Бастилии? Хотя, насколько я помнил, англичане не любили долго морить заключенных в своих застенках: колесуют, отрубят голову – и вся недолга – виселицы мне можно не бояться, все-таки я «сэр»...

Вот только не успели мы войти в ворота замка, как мои конвоиры передали меня с рук на руки одинокому рейвенмастеру, или «мастеру воронов», который вежливо со мною поздоровался, после чего провел меня по двору Тауэра и рассказал историю замка. Затем я оказался в небольшом средневековом зале, где рейвенмастер оставил меня, а его место заняла шестерка

¹ Эффаза (how do you do) в настоящее время практически не употребляется, а ранее использовалась в основном именно при знакомстве; «как дела?» и how are you?

бифитеров в красных мундирах. Через несколько минут туда же вошла ее величество королева Александрина Виктория, которая в ответ на мой глубокий поклон и поцелуй ее руки промурлыкала:

– Сэр Теодор, принц Альберт опять уехал в Бат, поэтому я сочла возможным принять вас в моей древнейшей резиденции. А у меня есть для вас небольшой подарочек. – И она вложила в мои руки свиток, из которого следовало, что я теперь не просто сэр Теодор Фэллон, но и баронет Соединенного Королевства сэр Теодор Фэллон.

Что было дальше, расскажу лишь вкратце. Сначала мне показали сокровища британской короны, а потом повели в залу, где нас накормили весьма обильно, хоть мясо было жестковатым, а овощи переваренными. А после ужина продолжилось то, чем мы с Викулей когда-то занимались в Стирлинге. Вот только теперь мне все вспоминался анекдот про то, как на лицо нежеланной партнерши лучше всего положить подушку, а на нее – портрет любимой женщины. В моем случае – Катрионы, моей соседки по Голландскому дому...

Но если серьезно, то чувствовал я себя весьма мерзко – изменял девушке, с которой у меня, понятно, никаких отношений нет и, наверное, быть не может, но которая всего за несколько минут успела завладеть моими умом и сердцем. Как многие обитатели XXI века, я, увы, стал самым обыкновенным жиголом, да еще и не только в переносном, но и в самом что ни на есть прямом смысле. А то, что у меня был титул, особо погоды не делало. И разве что тот факт, что я был здесь на задании, а не для собственного удовольствия, хоть немного, но притуплял угрызения совести.

15 (3) ноября 1854 года.

Османская империя. Бургас

Штаб десанта отлично потрудились над разработкой плана захвата порта и города. Согласно этому плану, за сутки до начала высадки основных сил разведывательно-диверсионные группы устроили набег на Варну. Цель набега – уничтожение складов с боеприпасами и отвлечение внимания от Бургаса. Расстояние между этими городами – чуть больше полутора сотен верст. Турецкие вестники с сообщением о набеге должны менее чем за сутки добраться из Варны до Бургаса. Одновременно с курьерами сочувствующие русским болгары и греки должны были распустить по городу слух, что, дескать, на Варну напало огромное войско царя Николая и сейчас там идет страшная резня.

Главные силы гарнизона Бургаса, точнее того, что от него осталось после перевода большей его части в Кёстендже² двумя неделями раньше, немедленно отправятся на помощь «ведущим неравный бой союзникам в Варне». И потому высадка главных сил десанта в Бургасе станет для неприятеля полной неожиданностью.

В отличие от Варны и Кёстендже, в Бургасе не требовалось взрывать, поджигать и крушить. Наоборот, город должен был остаться в полной целостности и сохранности. Склады с боеприпасами еще послужат русской армии, равно как и склады с продовольствием.

По замыслу командования, русскими войсками Бургас будет превращен в узел снабжения тех частей, которые нанесут удар с тыла по турецким частям, обороняющим Шипкинский перевал и перевал Троян, после чего начнется общее наступление в направлении Адрианополя.

Бургас было решено захватить с использованием техники пришельцев из будущего. Первыми к Бургасу подойдут малый десантный катер «Денис Давыдов» и КВП³ «Мордовия». На их борту будут три обычных бронетранспортера и одна САО «Нона». Бронетехнику планировалось высадить на подходе к порту. Она обеспечит устойчивость штурмовых групп и поможет им в ночном бою вокруг города. Затем «Мордовия», используя свою воздушную подушку,

² Турецкое название Констанцы.

³ Корабль на воздушной подушке.

легко перемахнет через узенький перешеек и, войдя в Атанасовское озеро, сможет обойти город и взять под контроль единственную дорогу, ведущую из Бургаса в Ислимие⁴.

С началом захвата порта в бой вступят диверсионные отряды, состоящие из местных жителей и казаков, в течение последних нескольких дней тайком просочившихся в город. А после захвата причалов к ним подойдут транспортные корабли Черноморского флота, с которых будут высаживаться главные силы десанта. Бургас следовало захватить быстро и без больших жертв и разрушений.

Так все и произошло на деле. Подкравшиеся со стороны моря на надувных резиновых лодках (слава «Надежде» и ее бездонным контейнерам!) морпехи без единого выстрела уничтожили часовых на пирсе и захватили береговые батареи. На стоявших в гавани двух военных кораблях – турецком бриге и британском пароходе – все же почуяли неладное и подняли тревогу. Но, не успев открыть огонь, тут же были уничтожены «Шмелями». При свете пылающих кораблей противника десантники зачистили причалы. Еще несколько минут – и порт оказался под их полным контролем.

Вскоре к пирсу подошел первый русский корабль – колесный фрегат «Громоносец». С него на причал горохом посыпались солдаты Селенгинского пехотного полка и севастопольские матросы. С десятков морпехов выгрузили на берег несколько пулеметов «Корд» и АГС «Пламя». Ожидавшие их проводники – местные болгары и греки – повели десантников в город, где уже гремели выстрелы и слышны были крики «Ура!». Солдаты, обученные ведению ночного уличного боя, с ходу начали теснить неприятеля. В основном против них сражались турки – немногие англичане и французы еще вчера вечером покинули Бургас и отбыли в направлении Варны, где, по их мнению, и происходили главные события.

Турки, не обученные сражаться ночью, в панике метались по улицам. Они были настолько деморализованы, что начинали кричать «Теслим!»⁵, едва завидев всего нескольких русских. Особый ужас на них нагнали морпехи в своей пятнистой форме и с размазанными черным тактическим гримом лицами. Пленные турецкие солдаты потом с ужасом рассказывали про «воинов Иблиса», сражавшихся на стороне русских. О них уже ходили самые невероятные слухи. Дескать, они питаются сырым человеческим мясом, видят ночью как днем, стреляют с удивительной меткостью и могут метать во врага огненные стрелы. Насчет каннибализма насмерть напуганные аскеры, конечно, хватили лишнего, а вот насчет прочего они оказались недалеко от истины. Морпехи пользовались приборами ночного видения, отлично стреляли, а в случае необходимости пускали в ход РПГ.

Еще больше турок напугали бронетранспортеры – стальные чудовища, способные двигаться и по суше, и по воде без помощи лошадей. Они ревели как дюжина ишаков, поливали противниками пулями, легко прошивавшими стенки домов, а самое главное, их самих не брали пули, даже выпущенные в упор.

Активная фаза боя закончилась где-то через час после начала высадки десанта. К тому моменту, как ночная мгла рассеялась, а на небе появился предрассветный румянец, гарнизон Бургаса был частично уничтожен, частично пленен. Толпы расхристанных пленных под командованием солдат-селенгинцев и болгарских ополченцев вывели за город и разместили лагерем на ближайшем выгоне.

Интенданты, как это бывает нечасто, в числе первых высадившиеся во вражеском порту, начали оприходовывать трофеи. Наступило их время. Без нормального снабжения десант обречен. Черное море капризно и по осени часто штормит. Волнение, которое способно помешать снабжению десантников всем необходимым, может продлиться неделю, а то и больше. Поэтому следовало как можно быстрее разгрузить в порту транспортные суда, раскидать грузы по пак-

⁴ Современный Сливен.

⁵ «Сдаюсь!» (тур.)

гаузам и складам и взять на учет все захваченные трофеи. Все интенданты прошли краткий курс обучения азам логистики под командованием капитана 2-го ранга Льва Израилевича Зайдермана. До того тыловики, как он потом сказал по секрету своему знакомому, Николаю Домбровскому, кроме как воровать в циклопических размерах, больше ничего не умели. После краткого ликбеза Зайдерман отобрал из числа интендантов десятка полтора наиболее смысленных и толковых. И храбрых – потому, что некоторые из кандидатов, узнав, что исполнять свои обязанности им придется не в глубоком тылу, а на передовой, резко заскучали и сказались больными.

Вскоре транспортные корабли, выгрузив содержимое трюмов на причал, под охраной боевых кораблей Черноморского флота вышли из Бургаса и направились в сторону Одессы. Там они примут на борт подкрепления и грузы, после чего снова возьмут курс на Бургас. А десантники, зачистив город, срочно начали формировать подвижные отряды, которые на следующее утро отправятся в поход...

16 (4) ноября 1854 года.

Галац. Лагерь Дунайской армии.

Поручик медицинской службы Гвардейского Флотского экипажа Николаев Александр Юрьевич, глава 1-го полевого лазарета при Черноморском Экспедиционном корпусе

Итак, началось... Вчера наши саперы под руководством полковника Тотлебена приступили к наведению переправы через Дунай. Река эта, конечно, широкая, но русские за время многочисленных войн с турками форсировали ее уже не раз. Вот и сейчас через водную гладь беспрерывно снуют паромы и лодки греков – Галац населяли в основном греки, которые настроены были против турок и их прихвостней и добровольно вызвались помочь русским.

Ситуация в этих краях сложилась парадоксальная. До начала войны местное начальство было настроено пророссийски. Но после того, как император Николай I приказал вывести наши войска из Дунайских княжеств, сменившая их австрийская оккупационная администрация сместила прежние власти и посадила на их место своих людей. Те популярностью у населения не пользовались. И, как только австрийцы стали очищать территорию княжеств, эти «квислинги» сбежали вместе со своими хозяевами. Поэтому нынешняя администрация состояла или из тех, кто снова вернулся на прежние места, или из русских офицеров, которые совмещали должности военных комендантов и глав городков и местечек.

А меня, по согласованию с Юрой Черниковым, направили с двумя моими севастопольскими коллегами в Галац в составе новосозданного Первого полевого лазарета. На подмогу мне дали двоих моих санитаров из Севастополя, двух курсантов-второкурсников из Юриной группы, плюс трех девушек-крестовоздвиженок. Но, слава богу, активных боевых действий пока не ведется и работы для нас с ребятами практически нет. Есть солдатики, получившие травмы по собственной дурости при проведении инженерных работ. Были случаи инфекционных заболеваний, но армейские врачи получили надлежащий инструктаж о соблюдении санитарных правил, и того, что творилось у наших противников в их военных лагерях, у нас не было.

Лафа, да и только. Не хватает лишь одного – моей Оленьки. Как там она без меня? Зная ее характер, не удивлюсь, если она сейчас пытается всеми правдами и неправдами попасть в санитарки нашего Экспедиционного корпуса. Мы с ее отцом, есаулом Даваевым, договорились пресекать на корню подобные попытки, да и Юру Черникова я проинформировал, и он тоже торжественно пообещал сделать все, чтобы этого не допустить, буде она объявится в Измаиле – именно там сейчас находится наш основной военный госпиталь.

Так что бояться, наверное, нечего и можно сидеть на горюшке и наслаждаться видом того, как наши части форсируют Дунай. Зрелище это занятное, тем более что один из саперных офицеров вкратце рассказал мне о том, что, собственно, происходит.

Оказывается, понтонные парки существуют в русской армии чуть ли не с середины XVIII века. Понтоны, с помощью которых происходит переправа, разработал капитан артиллерии Андрей Немой (ну фамилия у него такая!). Им была предложена конструкция разборного понтона с парусиновой обшивкой и деревянным каркасом. Преимущество такой конструкции по сравнению с цельнодеревянными и металлическими понтонами – меньший вес и компактность. Да и лошадей для перевозки парка требовалось меньше. К тому же полотняную обшивку было легче чинить – для того, чтобы ее «заштопать», требовалось всего несколько минут. По штату в понтонной роте было полсотни понтонов, что обеспечивало наведение наплавного моста максимальной длиной в четверть километра. По такому мосту можно было переправлять повозки общим весом три с половиной тонны. А если понтоны использовать как паром, то его грузоподъемность составляла уже до восьми тонн.

У меня замирало сердце, когда на наплавной мост заезжали тяжелые орудия с зарядными ящиками и деревянный настил, лежащий на понтонах, начинал волнообразно изгибаться. Но саперы работали четко, и переправа проходила без ЧП. Правда, по мосту на правый берег Дуная переправлялись в основном артиллерия и обозные фуры, а также кавалерия. Пехоту перевозили греки. На своих лодках и небольших гребных судах они сновали словно челноки, ловко приставая к берегу и высаживая наших солдат, которые пересекали Дунай, что называется, не замочив ног.

А вот откуда-то мчатся наши казаки. Похоже, что они возвращаются из разведки: на одной из лошадей со связанными руками сидит пленный – судя по мундиру, английский офицер. А один из станичников с трудом держится в седле. Видимо, он ранен. Так, мое ничегонеделание на сем заканчивается, и мне пора идти в палатку, в которой мы принимаем пациентов.

Точно, от группы отделились двое – раненый казак и еще один, который помогал ему удержаться в седле и не упасть на землю. Я вздохнул и направился к своему рабочему месту. Можно, конечно, поручить раненого одному из коллег, но пусть они посмотрят, что им следует делать, и наберутся опыта.

– Так что, вашбродь, – доложил мне «гаврилыч»⁶, – меня к вам послали. Вот, Савву ранили. Пуля ему в бок попала. Он жив еще, но крови много потерял, да и сомлел чуток.

Прибежавшие санитары помогли раненому спешиться и, осторожно поддерживая его под руки, повели в палатку-перевязочную.

– Где его так угораздило? – спросил я у казака, который, намотав на руку поводья лошади раненого станичника, приготовился запрыгнуть в седло.

– Вашбродь, нас полковник из штаба послал к Браилову на разведку. Вот там мы и повстречали аглицких улан. Кони у них хорошие, мы их догнать так и не смогли. Они отстреливались на ходу, вот тогда-то Савву и зацепило. А у одного улана лошадь ногу сломала. Мы его взяли в плен. Скажите, вашбродь, а что, Савва будет жить? Мы ведь с ним из одной станицы, вместе на войну уходили. Односум⁷ он мой.

– Полагаю, что все будет хорошо, – успокоил я казака, хотя еще не видел раненого. Но судя по тому, что ему хватило сил самому удержаться в седле, ранение было не очень тяжелым.

Так оно и оказалось в действительности. Пуля по касательной задела бок и распоролла, словно ножом, кожу и мышцы. Продезинфицировав рану, я ее зашил. Потом велел напоить казака горячим чаем и уложить его на походную койку. Теперь главное, чтобы в рану не попала инфекция. Парень внешне был крепкий, и рана его должна была зажить быстро.

Закончив все дела, я снял халат и вышел из палатки. Движение войск через мост продолжалось. Еще день-два, и главные силы нашей армии окажутся на правом берегу Дуная.

⁶ Так в русской армии называли донских казаков.

⁷ В походе у казаков имелась одна выючная сумка на двоих. Тот, с кем казак делил имущество, был его друг или близкий родственник.

Вот тогда-то и начнется поход на юг, в сторону Босфора, чтобы наконец окончательно решить «турецкий вопрос» – раз и навсегда.

16 (4) ноября 1854 года.

Черное море, неподалеку от Потти.

Борт пароходофрегата «Бессарабия».

Командир корабля капитан-лейтенант Щеголев Петр Федорович

Опять я в этих диких местах и опять занимаюсь привычным для меня делом. Наш фрегат патрулирует побережье в районе Потти и Сухум-Кале, перехватывая турецкие шаланды и шхуны, тайком доставляющие немирным горцам из Турции и Варны оружие, порох и деньги для того, чтобы те продолжали воевать против нас.

В сентябре позапрошлого года «Бессарабия» под флагом вице-адмирала Павла Степановича Нахимова уже несла охрану побережья и огнем своих орудий поддерживала высадку нашего десанта в Анаклии. Потом мы совершили поход вдоль побережья Анатолии, где обнаружили и заставили спустить флаг турецкий пароход «Меджари-Теджарет». Наш трофей отконвоировали в Севастополь, и там остряки окрестили его «Щёголем», намекая на мою фамилию. Но в состав Черноморского флота захваченный пароход вошел под названием «Турок».

Перед выходом из Севастополя, по приказу адмирала Нахимова, на наш корабль перешли шесть человек из числа тех, кто так отличился в разгроме вражеского десанта. Командовал ими лейтенант Гвардейского Флотского экипажа Михайлов. Как неофициально в приватной беседе сообщил мне Павел Степанович, люди эти особенные, они должны будут оказать нам помощь в случае столкновения с вражескими кораблями. Кроме того, они будут поддерживать связь со штабом флота. Какую помощь они нам окажут и как они смогут пересылать сообщения в Севастополь, адмирал мне не сказал. Но я выполнил его приказание и предоставил моим «пассажирам» – так окрестили лейтенанта и пятерых мичманов наши записные остряки в кают-компании – полную свободу действий.

По всему видно было, что люди эти знакомы с морским делом и на корабле оказались не впервые. Правда, в парусах они не разбирались: лейтенант Михайлов, оглядев наши мачты, сказал своему сослуживцу, что «Бессарабия» – бриг, хотя наш пароходофрегат имел парусное вооружение бригаантины. «Бессарабия» имела фок-мачту с тремя прямыми парусами: фоком, фор-марселем и фор-брамселем. Грот-мачта была «сухая», на ней ставили грот-триссель – над грот-гафелем, на грот-стеннге, грот-топсель. На бушприте ставили треугольные паруса: либо один кливер, либо кливер и бом-кливер. Под парусами, без помощи паровой машины, «Бессарабия» могла при хорошем ветре дать до восьми узлов.

Лейтенант обращался ко мне подчеркнуто вежливо, ежедневно передавая мне полученные с помощью «радиостанции» приказы из Севастополя. Я видел, как это происходит, но понять, как им это удается, так и не смог. Кроме того, мичмана по очереди вели наблюдение с помощью биноклей – почему-то разукрашенных серо-зелеными пятнами – за морем. Лейтенант Михайлов предложил мне взглянуть в такой бинокль. К моему изумлению, изображение было прекрасное, и видеть через этот бинокль можно было гораздо дальше, чем в мою подзорную трубу, которую еще перед войной я купил за немалые деньги, будучи проездом в Гамбурге.

Постепенно мы разговорились. Лейтенант был немногословен, но, как я понял, он был участником разгрома англо-французской эскадры адмирала Непира на Балтике⁸. С удивлением мы слушали о подробностях той эпопеи. В Севастополе, где мы отстаивались во время осады города, нам не удалось толком посмотреть на смертоносные атаки удивительных летательных аппаратов на вражеский флот. Единственно, что нам запомнилось, это тот ужас, кото-

⁸ См. первую книгу цикла, «Балтийская рапсодия».

рый стоял в глазах пленных англичан и французов, когда они рассказывали о том, как взрывались и горели их корабли.

Лейтенант сообщил, что его люди взяли с собой оружие, которое поможет нам уничтожить вражеские боевые корабли, если они попытаются помешать нам выполнять свою задачу.

– Только, Петр Федорович, – улыбнувшись, сказал лейтенант, – помощь наша вам вряд ли понадобится. Корабли англо-французской эскадры не рискуют сейчас выходить в море. Они все больше отстаиваются в Константинополе. Но, как говорится, береженого и Бог бережет...

Все, в общем-то, и было так, как сообщил мне лейтенант Михайлов – впрочем, теперь я называл его по имени и отчеству, как это принято у русских морских офицеров. Олег Николаевич вел наблюдение и передавал мне донесения из штаба флота. Из этих докладов мне стало известно, что в Потти из Трапезунда вышли две шхуны с грузом для немирных горцев. Кроме того, на их борту были поляки-волонтеры – участники мятежа 1830–1831 годов, которые из ненависти к русским устроились на службу к туркам, а некоторые даже перешли в магометанскую веру. Адмирал Нахимов приказал нам перехватить эти шхуны. А в том случае, если их экипажи и пассажиры окажут вооруженное сопротивление, утопить их безо всякой жалости.

Турки рассчитывали проскочить ночью мимо нас, чтобы поутру высадить пассажиров и свой груз на побережье, где их уже будут ждать посланцы имама Шамиля. Но, как оказалось, у Олега Николаевича были приборы, с помощью которых можно было и ночью вести наблюдение за морем. Один из его мичманов и обнаружил турецкие шхуны.

Мы быстро развели пары и погнались за неприятелем. Турки, поняв, что обнаружены и что уйти им не удастся, решили сражаться до последнего, хотя сопротивление было бессмысленным – мы из наших десятидюймовых орудий могли расстрелять их с дистанции, которая оказалась слишком большой для их легких пушек.

Ясно было лишь одно: сдаваться они не собираются, и я должен был выполнить приказ адмирала Нахимова – уничтожить неприятеля.

С помощью чудо-бинокля мы могли наблюдать за падением наших ядер и бомб. Комендоры стреляли превосходно, и вскоре одна из шхун, лишившаяся мачт, потеряла ход. Вторая, тоже понесла большие потери в рангоуте, все еще питала тщетную надежду на спасение. Но и она вскоре загорелась и стала тонуть. Турки пытались спустить шлюпки, но ядра, упавшие рядом, перевернули их. Когда палубы вражеских кораблей стала захлестывать морская вода, мы прекратили огонь.

Я приказал спустить баркас и отправиться к месту гибели турецких шхун, чтобы попытаться спасти тех, кто еще не пошел ко дну. Лейтенант Михайлов попросил, чтобы в баркас взяли двух его мичманов, успевших надеть свое снаряжение и вооружиться. Я уже видел в Севастополе подобным образом экипированных офицеров из Гвардейского Флотского экипажа. Говорят, что их куртки не пробивает пуля, а странные ружья могут без перезарядки выпустить несколько десятков пуль.

Как оказалось впоследствии, предосторожность Олега Николаевича была не лишней. Поляки, которые находились на одной из тонущих шхун, ухитрились перевернуть одну из опрокинувшихся шлюпок и начали вычерпывать из нее воду. Она едва держалась на плаву, но на нее сумел перебраться какой-то важный пан. Он даже сумел сохранить сухими свою одежду и пистолеты, заткнутые за пояс. Увидев наш баркас, поляк с диким криком выхватил оружие, намереваясь застрелить кого-нибудь из наших. Вот тут-то и показали себя сослуживцы лейтенанта Михайлова. Несколько метких выстрелов, и лях плюхнулся в воду. Державшиеся за полузатопленную шлюпку турки и поляки жалостливо завопили и взмолились о пощаде.

Двумя рейсами мы подобрали всех, кто еще был жив, после чего Олег Николаевич доложил по своей «радиостанции» в Севастополь о произошедшем. Вскоре из штаба флота мы получили ответ: «Бессарабии» надлежало следовать в Крым, а патрулирование побережья продолжит идущий нам на смену пароходофрегат «Одесса»...

16 (4) ноября 1854 года.

Дунайские княжества.

Штабс-капитан Гвардейского Флотского экипажа Домбровский Николай Максимович, бездельник

Бездельником я стал не по своей воле. Ядром отряда, к которому я был приписан, командовал капитан Гвардейского Флотского экипажа Ильин Николай Максимович, мой полный тезка. Перед венесуэльским вояжем его – тогда еще в чине старшего лейтенанта – назначили командиром сводного отряда морской пехоты на «Королеве». В отличие от роты Хулиовича, морпехов с «Королева» раздербанили. Одно отделение участвовало в первой нашей встрече с императором. До сих пор оно служит при нем лейб-охраной и одновременно связистами. Были там и силы ССО. Что с ними случилось, мне неизвестно. Оставшихся подрядили обучать новосозданные «роты нового строя». Некоторое их количество так и осталось инструкторами в районе Свеаборга, но большинство стало ядром Свеаборгского Батальона особого назначения. Именно к этому батальону приписали и вашего покорного слугу.

Хулиович лично попросил капитана Ильина о том, чтобы тот обучил меня военному делу в весьма сжатые сроки. Тот послал меня на «курс молодого бойца», который проводился на остановках во время перехода по Березинскому водному пути. Справедливости ради хочу заметить, что другие «курсанты» проходили обучение уже несколько недель, и я, даром что офицер, показал себя столь провально, что после того, как мы прибыли в Одессу, Ильин вызвал меня к себе и с сарказмом произнес:

– Штабс-капитан, вас мне порекомендовал полковник Сан-Хуан. Сказал, что вы, по его словам, бриллиант, еще не подвергнувшийся огранке – я тогда еще подумал, ну и сравнение – и что достаточно вам преподать пару-тройку уроков, как вы станете действительно неплохим снайпером. Но, увы, то, что я видел своими глазами, и то, что мне докладывали мои люди, наводит меня на один только вопрос, в точности соответствующий первым четырем буквам отчества вельми уважаемого мною полковника, одарившего меня столь медвежьей услугой.

– И что вы этим хотите сказать? – уныло пробормотал я.

– Награды ваши вы заслужили и стрелять вроде умеете. Но я не собираюсь рисковать жизнями своих людей – как тех, кто из будущего, так и тех, кто из этого времени – и давать вам боевые задания. Одна просьба – не путайтесь под ногами. Вы же журналист? Вот и занимайтесь своими прямыми обязанностями – пишите, в этом я вам мешать не буду. Но не более того. А после окончания войны я, так и быть, отправлю вас на прохождение полного «курса молодого бойца» – физические данные у вас все-таки наличествуют и, может быть, когда-нибудь что-нибудь из вас получится. Но не через неделю и даже не через месяц.

– Но...

– Я вас больше не задерживаю.

По его каменной физиономии я догадался, что Ильин не поменяет своего мнения обо мне. Так что я усиленно занялся журналистской деятельностью: писал статьи во все три наши СМИ, плюс в новое издание «Дунайские вести», интервьюировал то одних, то других (не раз нарываясь на «голубчик, а шли бы вы подобра-поздорову» – куда именно, я не могу указать по цензурным соображениям), изредка фотографировал, подолгу заряжая мобильник солнечной зарядкой после каждой «фотосессии».

Но приехал я сюда не для этого – как пел Высоцкий: «а в подвалах и полуподвалах ребятишкам хотелось под танки». Я ведь уже вошел во вкус, и мне снилось каждую ночь не только, как я целую свою Мейбел (и, если честно, не только целую), но и то, как я лежу в кустах и выцеливаю очередного англичанина. Поэтому я и начал себя считать форменным бездельником.

А пока мы двигались по бескрайним степям Дунайских княжеств. После переправы у Галаца армия повернула на юг и, громя разрозненные турецкие отряды, двинулась паровым

катком на некотором отдалении от побережья. Турки и их «союзники» с «цивилизованного Запада» засели в крепостях: в Кёстендже, Силистрии и Рущуке – и ждали штурма. Слышал краем уха, что в первых двух что-то «бахнуло», но подробности произошедшего мне неизвестны. А наш батальон, равно как и другие войска, двигавшиеся вместе с нами, не оправдывая ожиданий противника, следовали к известной лишь нашему командованию цели. Дождей еще не было, и пыль стояла столбом. Я напевал чуть слышно (если б я это делал громче, меня бы, наверное, давно уже побили любители бельканто):

Эх, дороги,
Пыль да туман,
Холода, тревоги
Да степной бурьян.
Выстрел грянет,
Ворон кружит,
Твой дружок в бурьяне
Неживой лежит.

Последнее, увы, касалось и меня: молодой лейтенант Александр Елизарович Степанов, с которым я успел сдружиться по дороге из Одессы, попал вчера под налет башибузуков – так у турок именовались иррегулярные части, состоящие в основном из черкесов и совершавшие дерзкие нападения на наши отряды. Саша смог развернуть свой взвод в боевой порядок и отогнал башибузуков, но сам был смертельно ранен, и я еле-еле успел к нему перед тем, как он умер. Саша попытался что-то пробормотать, из последних сил показал пальцем на медальон на шее и вдруг затих навсегда; подбежавшему доктору ничего не оставалось, как констатировать смерть.

В медальоне оказался миниатюрный портрет красивой девушки и сложенная несколько раз бумажка с двумя адресами: Елизара Аристарховича и Марии Ивановны Степановых, и Марфы Ивановны Вельяминовой. Меня словно ударило током: последнюю фамилию я помнил из своего генеалогического древа – она тоже была моим далеким предком... Я пообещал себе, что когда я вернусь, то отвезу ей этот портрет лично и расскажу ей про подвиг Александра и про его кончину. И что с того, что лежал он не в бурьяне, а на койке в походном лазарете моего друга Саши Николаева? «Разве от этого легче»?

Кстати, ни англичан, ни французов мы ни разу не видели, из неприятеля же обнаружили только турок.

Солнце уже клонилось к закату, когда я увидел невдалеке пять или шесть фургонов с намалеванными на них красными крестами – эмблемами Крестовоздвиженской общины сестер милосердия. Подумав, что неплохо было бы взять у них интервью, я направил своего коня к ним и вдруг увидел, как из рощицы (коих здесь было не так уж и много) вылетели десятка три кавалеристов, одетых по-восточному пестро, и поскакали к фургонам. Даже не думая, я пришпорил коня (каким-то чудом не шмякнувшись с него – я, если честно, еще тот наездник) и бросился им наперерез, крикнув возницам фургонов:

– Скорей убирайтесь отсюда!

Спешившись в последний момент (ну не умею я воевать верхом), откатился в сторону, присел за первым попавшимся кустом, прицелился в башибузука, скакавшего впереди всех, и выстрелил. Тот вылетел из седла, и отряд на мгновение замешкался. Я стал стрелять по турецким головорезам, рассчитывая, что перед тем, как они меня прикончат, я изрядно сокращу их количество и тем самым дам хоть какой-то шанс на спасение сестрам милосердия.

Сначала турки меня не заметили. Они остановились и стали разглядывать кусты, пытаясь понять, откуда по ним стреляют, что мне было только на руку. Но продолжалось это недолго,

и вот на меня уже несутся три всадника, с дикими криками размахивающие над головой кривыми саблями. Двух я отправил к райским гуриям, но тут у меня кончились патроны, и я лихорадочно стал перезаряжать свое оружие, чувствуя, что не успею это сделать и третий башибузук точно меня зарубит. Неожиданно за моей спиной раздался выстрел, и турок, вылетев из седла, упал прямо на меня, сбив с ног. Конь его, храпя и роняя пену с губ, промчался рядом со мной, обдав острым запахом лошадиного пота. Я вставил магазин, передернул затвор и вновь выстрелил по ближайшему ко мне башибузуку. Скакавшего рядом с ним головореза снял неизвестный стрелок, только что спасший мне жизнь.

Откуда-то со стороны раздался топот копыт – небольшой отряд донских казаков, развернувшийся лавой, с пашками наголо ударил по туркам. Я успел выстрелить дважды, но тут рядом со мной рухнул конь одного из казаков. Бедное животное забилось в предсмертных судорогах, и я, получив удар копытом в бок, улетел в бурьян. Каким-то чудом собравшись с силами, я приподнялся и увидел, что сражение уже закончилось. Единственный чудом уцелевший башибузук удирал, припав к шее быстрого коня. Вскинув «Винторез», я выстрелил в беглеца, после чего в глазах у меня потемнело, и я потерял сознание...

Неизвестно, сколько времени прошло, когда я пришел в себя. Лежал я на сене, в какой-то отчаянно скрипящей повозке. Веки у меня дрогнули, и тут в моих ушах прозвучал любимый голос, который на родном английском языке произнес:

– Милый, лежи спокойно, похоже, что у тебя сотрясение мозга.

«Ну все, – подумалось мне, – видно, я уже на том свете. Вот только непонятно, что тут делает моя Мейбел?»

А моя любимая тем временем продолжала:

– Мы отбились от этих бандитов, спасибо тебе.

«Нет, не похоже, это на рай. Но и на ад тоже не похоже. Значит, я жив...»

Немного подумав, я задал единственный правильный в данном случае вопрос:

– Милая, а какого хрена ты здесь делаешь?

Конечно, слово «хрен» было несколько другим – английским словом, тоже состоящим из четырех букв, причем слово сие было из числа тех, которые порядочная девушка знать не должна. Но та лишь обняла и поцеловала меня, после чего заставила проглотить ложку какой-то горькой гадости. И я опять провалился в забытье.

Очухался я уже на койке в большой палатке, и первое, что увидел, – сидящего на корточках капитана Ильина, глядевшего на меня впервые за все время нашего с ним общения без ехидства, вполне дружелюбно.

– Ну, тетка, ты даешь... Тринадцать зарубок можешь добавить себе на приклад. Эх, расскажешь кому – ни за что не поверят. Ничего, что я с тобой на «ты»?

– Конечно! Только вот кто стрелял по этим бандитам из фургонов? Если бы не он, мне несдобровать.

– Не «он», а «она». Это невеста твоя устроила небольшое сафари. Двоих положила, еще одного подранила.

– Гони ее на хрен обратно в тыл, – выпалил я.

– Вот то же самое я хотел сделать и с тобой, – усмехнулся он. – Ладно, КМБ ты, как видим, провалил, но это ничего не значит. Разрешаю тебе, когда оклемаешься, свободную охоту. Только согласно правилам, если только у тебя это получится. Я вот тебе книжицу полезную принес про действия снайпера: почитай на досуге, когда голова болеть перестанет.

– А что с Мейбел?

– Тут надо с ее начальством переговорить. Впрочем, вон она идет. Оставлю-ка я вас, голубков, наедине. Бывай, тетка, – и Коля Ильин, поднявшись, хлопнул меня по плечу и направился к выходу.

16 (4) ноября 1854 года.

Степи Западного Причерноморья.

Протоиерей Дамиан Амвросиевич Борц, старший священник 45-го Азовского пехотного полка

Когда командир полка, полковник Николай Павлович Криденер, скомандовал привал, я, по своему обычаю, начал петь акафист Пресвятой Богородице. Но успел я дойти лишь до конца третьего икоса⁹:

...Радуйся, всего мира очищение.
Радуйся, Божие к смертным благоволение;
радуйся, смертных к Богу дерзновение.
Радуйся, Невесто невестная.

И тут вдруг где-то недалеко, верстах в полутора, я услышал выстрел. Сунув молитвослов в сумку (в которой находились различные богослужебные принадлежности, бинты и водка), я побежал к своей смиренной кобылке, прозванной мною Клеопатрой. Стрельба тем временем продолжалась, и я наскоро приторочил сумку к седлу, а потом поскакал туда, откуда доносились выстрелы. Но когда я добрался до места, где произошла схватка, все уже кончилось: с десятков казаков рубил уцелевших башибузуков – тела их незадачливых товарищей валялись в ковыле, один раненый лежал ничком на земле и стонал, а еще один уцелевший улепетывал верхом от преследовавших его станичников. И лишь только я подумал, что ему удастся удрать, как услышал поблизости тихий хлопок, и последний турецкий всадник в черной феске, красном кафтане и зеленых шароварах, взмахнув руками, вывалился из седла и с треском упал в колючий кустарник.

– Молодцы, казачки, – сказал я, на что один из «гаврилычей» ответил:

– Да мы-то что, батюшка. Вот это он все сделал, – и показал мне на человека в пятнистой униформе, лежавшего без сознания, но все еще сжимавшего в руке ружье с прикладом странной формы.

– Когда мы прибыли, он уже перестрелял половину их или более того. А еще кто-то пулял вон от тех фургонов и тоже положил то ли двоих, то ли троих.

Пятнистая униформа мне была знакома: именно в ней служили люди с той самой знаменитой эскадры. На них я успел взглянуть в Севастополе, хотя лично встречаться мне ни с кем из них не приходилось, разве что с их доктором, Александром Николаевым, который лично спас троих раненых, которых я вытащил из огня в сражении при Альме. Одного еле-еле; я перевязал его рану обрывком своей рясы, а рана возьми да и загнойсь. Именно Александр подарил мне бинты, а также объяснил, почему раны необходимо промывать алкоголем. С тех пор у меня в сумке всегда имеется бутылка с крепкой водкой.

Едва я наклонился к «пятнистому», как к нам подбежали двое санитаров с носилками – молодой светловолосый человек лет двадцати и девица весьма приятной наружности, которая довольно бегло, но со смешным акцентом объявила, что штабс-капитан Домбровский нуждается в срочном лечении и потому его немедленно следует погрузить в фургон. Я помог положить его на носилки, и они понесли их обратно к поезду, а я перевязал выжившего турка, которого сразу же увели станичники.

Затем я осмотрел поле боя и увидел, что моя помощь более никому не требуется. Услышав от казаков, что троих из них забрали в лазарет, я пошел к ним. Один из санитаров, внимательно посмотрев на меня, спросил:

– Батюшка, скажите, а вы, случаем, не отец ли Дамиан?

⁹ Икос – хвалебная песнь, одна из составных частей акафиста.

– Аз есмь...

– Батюшка, благословите! Про вас рассказывают, как вы ходили в атаку с солдатами и под Силистрией, и под Альмой, перевязывали раненых обрывками рясы, а потом вытаскивали их с поля боя на своем горбу. И офицеров, и простых солдат, и казаков.

– Слушай больше, – усмехнулся я. – Ты из меня прямо какого-то Анику-воина хочешь сделать. – И, пока он собирался с мыслями, чтобы ответить мне, благословил его и вышел на улицу.

Из соседнего фургона слышался жаркий спор на неизвестном мне языке. Заглянув, я увидел штабс-капитана Домбровского и все ту же барышню, которая всплеснула руками и выбежала прочь. Я же подошел к штабс-капитану и спросил:

– Сын мой, не хочешь ли ты исповедоваться?

После исповеди тот попросил меня:

– Батюшка, прошу вас, поговорите с моей невестой.

– Так это была твоя невеста?

– Да, батюшка – она сестра Крестовоздвиженской общины. Зовут ее Мейбел Катберт. А теперь, после Святого крещения – Аллой Ивановной.

– Мейбел? Она что у тебя – англичанка?

– Да нет, батюшка, она из Североамериканских Соединенных Штатов. Именно Мейбел стреляла по туркам и спасла мне жизнь. Но, прошу вас, скажите вы ей, что нельзя ей здесь оставаться, ведь ее могут убить!

– А что она тебе об этом сказала?

– Говорит, что я ранен и что меня нужно срочно эвакуировать в тыл. Я не ранен, батюшка, меня лишь ударил копытом конь, и я вполне могу обойтись без лазарета!

– А ее, значит, нужно отправить подальше от того места, где стреляют?..

– Батюшка, я не хочу ее потерять!

– А если вас убьют? Вы об этом подумали? Тем более что вы и в самом деле не вполне здоровы.

– Ну, ничего тут не поделаешь, она найдет другого. А я без нее не могу.

– Ладно, сын мой, поговорю я с вашей невестой. Но то, что она делает, – ее свободная воля, не забывайте об этом.

Как я и предполагал, Алла Ивановна наотрез отказалась уезжать из лазарета, заодно попросив меня уговорить ее жениха отправиться на лечение. Но когда я вернулся к Николаю Максимовичу, то увидел пустую койку. Оказалось, что он попросту сбежал, сказав соседу по фургону, что уходит потому, что хочет непременно остаться в действующей армии.

17 (5) ноября 1854 года.

Османская империя. Варна

Утро, после ночи взрывов, пожаров и паники, когда толпы обезумевших от ужаса людей топтали друг друга на узких улочках Варны, не принесло покоя командованию гарнизона города. Со всех сторон в штаб поступали донесения и все они были нерадостными. Интенданты присылали пухлые отчеты об уничтоженном военном имуществе, продовольствии и боеприпасах. Причем теперь уже невозможно было проверить, на самом ли деле все, подробно перечисленное в бумагах, действительно погибло в огне, или же оно было перепрятано во время ночного переполоха. Можно было, конечно, потом все перепроверить, но сейчас было просто не до этого.

Командиры частей гарнизона докладывали о больших потерях. При этом трудно было понять, были ли их подчиненные убиты, или ранены, или же они дезертировали, воспользовавшись царящей в городе паникой и неразберихой. Особенно это касалось насильственно при-

званных в турецкую армию христиан, которых обычно держал в повиновении страх наказания, а также семьи, остававшиеся заложниками у османов.

Тревожными были и донесения лазутчиков. Они сообщали, что в окрестностях Варны замечены группы русских казаков, которых с каждым часом становится все больше и больше.

– Они все такие страшные, – дрожа от испуга, рассказывал почтенный кади, – у них мерзкие монгольские рожи, глаза узкие и дикие. Эти порождения Иблиса режут без жалости всех: и аскеров, и почтенных старцев, и детей, и женщин. Говорят, – тут у кади глаза закатились под лоб, и он едва не упал в обморок, – что эти казаки бросают грудных детей в котлы, варят их, а потом пожирают! Я сам не видел всего этого ужаса, но есть люди, которые наблюдали за пиршеством людоедов...

Менее впечатлительные лазутчики сообщали, что, действительно, вокруг города появились не только русская кавалерия, но и пехота с артиллерией. Это напугало командование гарнизона Варны гораздо сильнее, чем рассказы про людоедов-казаков, похожих на ифритов из арабских сказок.

Однако к полудню в городе удалось навести некоторое подобие порядка. По улицам решительно зашагали патрули, разгоняя мародеров, крутившихся, словно мухи вокруг разлитого сиропа, возле разрушенных воинских складов и казарм. Кое-кого из них под горячую руку даже расстреляли. Командиры частей организовали горячее питание для уцелевших солдат, эвакуировали раненых, проверили наличие и исправность оружия.

Но тут на город обрушилась новая напасть: наблюдатели в порту доложили, что в море обнаружена эскадра кораблей, приближающаяся к Варне. Конечно, флаги на таком расстоянии разобрать было сложно, но силуэты по крайней мере двух из них были совершенно не похожи ни на турецкие суда, ни на корабли союзников. Стало ясно: к городу приближался враг, который рассчитывал захватить Варну комбинированным ударом с суши и с моря. Сделать же это им будет легко: гарнизон не был готов к длительному сопротивлению, да и большая его часть находилась в Силистрии, Рущуке и Кёстендже.

К тому же местное турецкое население снова ударило в панику – кто-то распустил слух, что если Варна не откроет ворота и не сдастся на милость победителей, то русские сожгут город дотла и вырежут всех правоверных.

В штаб спешно примчалась делегация уважаемых людей Варны, которые слезно молили командование гарнизона не оказывать сопротивления русским и попытаться не доводить дело до штурма города.

– Ради Аллаха, если русские вам позволят, уходите с миром из Варны. Мы не желаем быть зарезанными в своих домах, наши жены готовы скорее принять смерть от рук своих мужей, чем быть обесчещенными. И мы не хотим, чтобы наших детей сожрали дикие голодные казаки.

Британский генерал и французский полковник – командиры частей, все еще расквартированных в Варне, – также готовы были покинуть город, если, конечно, русские позволят им это сделать.

А тем временем с флагманского корабля русской эскадры отчалила шлюпка под белым флагом. Подойдя к пирсу, из нее высадились парламентар и два сопровождавших его трубача. Срочно прибывшему в порт турецкому генералу был вручен ультиматум, подписанный командующим русской эскадрой адмиралом Корниловым. Тот предлагал союзному гарнизону свободный выход из города с личным оружием и знаменами. Все военное имущество, казна и артиллерия должны были остаться в Варне. Раненым и больным, находящимся на излечении в госпиталях, была обещана надлежащая медицинская помощь. На размышление командованию гарнизона города давалось три часа.

В штабе после недолгого совещания было решено согласиться с условиями ультиматума. На русский флагманский корабль был послан офицер с письмом, в котором союзное командование обещало покинуть город. Турецкие, британские и французские части стали готовиться

к маршу. Под наблюдением прибывших с эскадры русских офицеров они освободили казармы и вручили победителям по описи все уцелевшее армейское имущество, денежные средства, хранившиеся в городском казначействе, и список больных и раненых, остающихся в Варне. А потом, с оркестром и знаменами, они вышли через ворота, ведущие в Адрианополь.

Высадившиеся в городе русские войска с песнями и музыкой встретили болгары и греки. Они угощали солдат и офицеров домашним вином и ракией. То тут, то там поднимался дымок и вкусно пахло жареным мясом. А потом на улицах появились и турки, которые увидели, что русские не только не грабят, не режут и не насилуют мусульман, но даже и не помышляют об этом.

Так, без единого выстрела, пала одна из сильнейших турецких крепостей на Черном море, на стенах которой гордо красовались мраморные доски с арабской вязью, хвастливо сообщавшие всем, что крепость эту не сможет взять ни один враг блистательного султана...

17 (5) ноября 1854 года.

Селение Сарай, Дунайские княжества.

Мехмед Садык-паша, он же Михал Чайковский, мириан-паша (командир) Славянского легиона армии Османской империи

Сарай оказался небольшой мусульманской деревушкой, вокруг которой находились греческие и болгарские деревни: Карапелит, Альбина, Мусул... В самом же Сарае практически все население состояло из переселенцев, прибывших в здешние места из Анатолии. Я для них своим не был – все-таки, когда я говорю по-турецки, они сразу определяют по моему выговору, что я «гяур», хотя я уже тринадцать лет как правоверный мусульманин. Впрочем, «правоверный» я лишь потому, что только таким образом смог получить доверие его величества султана Абдул-Меджида, который, при всем его увлечении Западом, все равно не считает христиан своими.

Вот так и в моем Славянском легионе, хотя большая часть казаков – христиане – потомки задунайцев и некрасовцев, но офицеры мои в основном мусульмане. Увы, нам пока так и не довелось сразиться с русской армией. Но, когда местные болгары восстали в Добрудже, именно мои казаки подавили мятеж, пролив немало крови. А когда русские разгромили союзников в Крыму, Омар-паша приказал нам занять позиции в Тульче, столице одноименного санджака, через которую ожидался главный удар русских войск по направлению на Кёстендже – главный порт в этой части Дунайских княжеств.

Но русские поступили намного умнее. Дунай они форсировали у Галаца, и теперь их армия начала продвигаться на юг вдоль восточного берега Дуная. А Легион и несколько других полков оказались в окружении. Вчера утром мне доставили приказ срочно продвигаться к городу Канаре¹⁰, к северу от Кёстендже. Да, если русские ударят по столице, то Канара – практически идеальный рубеж для обороны. Вот только пехота из Тульчи прийти туда уже не успеет, а мои казаки – не пехота, и в обороне им – не место.

Более того, у меня возникло подозрение, что русские проигнорируют Кёстендже, набитую под завязку союзными войсками, и ударят по Варне, после чего спокойно перебросят свои войска по морю, – все-таки они захватили немалую часть союзного флота. А после этого падение Кёстендже – вопрос времени, точно так же, как и тот факт, что Тульча – такое у меня впечатление – продержится не более недели, даже если пехота там останется. И тогда вся Добруджа будет русской. А после нашей акции в этой провинции практически все местное население встретит их как освободителей.

Подумав, я отправил большую часть Легиона в Канару, а сам с пятеркой приближенных решил, переодевшись небогатым торговцем, посетить Сарай, лежащий по дороге из Галаца как

¹⁰ Канара – нынешний Овидиу.

в Кёстендже, так и в Варну. Коней мы оставили в близлежащем Рахмане у местного башкана¹¹ и у него же одолжили арбу, которую нагрузили арбузами из его же запасов. Дорога до Сарая заняла около часа, после чего к нам сразу же начали подходить русские, которыми кишело это село. Все арбузы у нас раскупили менее чем за полчаса.

Мы делали вид, что не знали русского языка, и, наострив уши, слушали разговоры солдат. Но все, что мы узнали, – это то, что они принадлежали к Азовскому полку и что с утра они продолжают свой марш по главной дороге на юг, что могло означать и Кёстендже, и Варну. А вот казаки, патрулировавшие окрестности, то и дело поглядывали на нас с подозрением. Подумав, я решил, что пора возвращаться в Рахман. Но тут мы увидели весьма необычного персонажа.

Это был человек, одетый в пятнистую форму и со странного вида ружьем на спине, но державшийся в седле немногим лучше мешка с бульбой. Его почти сразу остановил казачий разъезд, но один из казаков вдруг закричал:

– Вашбродь! Это ведь вы намедни стреляли по туркам! Мы думали, что вы еще в лазарете!

– Да нет, все нормально, – ответствовал пятнистый, хотя лицо его было бледным. – Сейчас еду в свою часть, но хотелось бы перекусить: дорога предстоит долгая.

– А вон там корчма, вашбродь, – улыбнулся старший из казаков и показал рукой на приземистое здание, из окон которого исходили ароматы жареной баранины.

Я сделал своим знак – они вдруг стали колдовать над одним из колес арбы, а я направился в то же заведение, что и «пятнистый». В здании оказалось два длинных стола. За одним из них, увы, сидели трое офицеров, за другим же примостился заинтересовавший меня субъект. Я подошел к нему, показал глазами на табуретку, словно спрашивая разрешения сесть с ним рядом. Он кивнул, и вдруг я увидел на его пальце серебряное кольцо с гербом Домбровских.

– Вы – Домбровский? – выпалил я по-польски, с опозданием подумав, что это, возможно, не самая лучшая идея.

Но тот лишь улыбнулся:

– Да, пане...

– Голембёвский, – назвал я первую попавшуюся фамилию. – А вы не родственник Максимилиану Домбровскому?

– Родственник, – сказал тот, причем на лице у него отразилось удивление.

– Значит, мы с вами родня. Мой дед и его бабушка – брат и сестра.

Тот пристально посмотрел на меня, и вдруг улыбнулся краешками губ, после чего тихо, но отчетливо произнес:

– Пане Михале, я слышал, что вы человек чести. Предлагаю вам, как родственнику, следующую сделку: я не выдам вас нашим, а вы не будете пытаться меня захватить – признайтесь, у вас, несомненно, были такие планы? А мы с вами поговорим – я же журналист. Единственное условие: вы не будете меня расспрашивать о том, что является тайной. В ответ я могу пообещать вам то же самое.

– Хорошо, пане...

– Миколае, если по-польски.

– Хорошо, пане Миколае, я согласен.

– Тогда я бы велел вашим людям возвращаться туда, откуда вы прибыли. Видите ли, на местных крестьян-торговцев они похожи примерно так же, как я на пани Валевску. И вам просто повезло, что никто еще не обратил на них внимание. Да, и скажите, чтобы они подогнали вам коня куда-нибудь за версту от Сарая – там же вроде есть рощицы? Вот там пусть вас и ждут. А версту вы всяко пройдете и пешком, не так ли? А я пока закажу что-нибудь поесть для нас с вами. Видите, офицеры собрались уходить, так что нам никто не помешает.

¹¹ Башкан – деревенский голова.

18 (6) ноября 1854 года, вскоре после полуночи.

Сарай, Дунайские княжества.

Штабс-капитан Домбровский Николай Максимович, снайпер

– Вашбродь, это вы штабс-капитан Домбровский? – спросил меня казак в тот момент, когда я спросонья расчесывал укусы клопов и пытался открыть дверь своей комнаты в корчме.

– Я, служивый.

– Вас их высокоблагородие полковник Криденер зовуть.

Интересно, подумал я, зачем я понадобился ни свет ни заря командиру 45-го Азовского полка? Да, я взял у него интервью, но, судя по его физиономии, вряд ли я был для него более чем шелкопером и шпаком, лишь по недоразумению надевшим офицерский мундир. Быстренько умывшись и одевшись при свете двух свечей, я отправился в шатер полковника.

Последний, хотя на лице его явно угадывалось, что и его разбудили посреди ночи, выглядел, в отличие от меня, практически безупречно. А рядом с ним, под охраной двоих солдат, на табуретке сидел человек в пестрой одежде.

– Господин полковник, штабс-капитан Домбровский по вашему приказанию прибыл, – бодро отрапортовал я.

Тот лишь усмехнулся:

– Николай Максимович, спасибо, что пришли. А принятым в русской армии формам обращения я прикажу вас научить после. Так вот, это сотник Славянского легиона Ахмед Алибей, он же некрасовский казак Кузьма Нечаев. Говорит, что прибыл по приказанию Садык-паши для того, чтобы обсудить условия сдачи. И зачем-то попросил пригласить лично вас...

...Да, вчерашний день изобилдовал многими интересными моментами. Но встреча с Михалом Чайковским была, наверное, самым главным из них. После того, как он отослал своих «крестьян» – ага, шазз, так я и поверил, что это люди с прямыми спинами и с кривыми покавалерийски ногами – местные крестьяне, – он вернулся и долго разглядывал меня, а потом сказал по-польски:

– Пане Миколае, мы здесь одни, так что можем перейти и на русский, если вам проще.

– Хорошо, – с облегчением ответил я. Все-таки по-польску я розмавам не бардзо добже¹².

– Пане Миколае, как мне кажется, я знаю всю родню кузена Максимилиана, но ни про какого Николая Домбровского, тем более штабс-капитана русской армии, я никогда не слышал. Есть парочка Миколаев Домбровских, но они пану Максимилиану слишком дальние родственники...

Я попытался ответить, но пан Михал продолжил:

– И еще. Вы одеты в ту самую таинственную пятнистую форме, про которую я успел услышать от тех, кто имел несчастье побывать в Крыму. Вы, случайно, не из той самой загадочной эскадры, которая из ниоткуда появилась на Балтике и спутала карты нашим друзьям из Франции и Англии, а также моему султану?

– Все может быть, пане Михале. – Я усмехнулся и посмотрел на неожиданно побледневшее лицо своего собеседника.

– О, Аллах, – воскликнул он. – Ходят слухи, что вы появились из другого мира; знать бы только, от Всевышнего, либо от шайтана...

– Помните про наш уговор? – спросил я. Мне надоело ходить вокруг да около. Тем более что Чайковский был готов поверить в то, что я ему скажу.

– Помню. И никому ничего не расскажу, – пробормотал он. – Скажите, кто вы, а то я уже не знаю, что и думать...

¹² Разговариваю не очень хорошо (пол.).

– Так вот, пане Михале, мы прибыли из этого же мира, но из будущего, – наконец произнес я. – Далекое будущего. И я – прямой потомок вашего кузена Максимилиана, а значит, и сестры вашего деда.

Тот стал бледным, как бумага, – у меня сложилось впечатление, что он готов хлопнуться в обморок. Человек, который отличался личной храбростью и не раз смотрел в лицо смерти, был напуган не на шутку. Он перекрестился по-католически, слева направо, потом, опомнившись, пробормотал что-то типа «Аузубиллах»¹³.

Я усмехнулся:

– Пане Михале, в нашей истории вы в конце концов вернетесь в Россию, где перейдете в православие.

– Значит, русские захватят меня в плен и заставят сменить веру?

– Нет, вернетесь вы в Россию вполне добровольно и снова станете христианином по собственному желанию. Русские сдержат обещания, которые они вам дадут перед тем, как вы примете это решение.

– Расскажите! Расскажите мне, пане Миколае! – лицо Чайковского снова порозовело, и он прижал руки к груди, умоляя меня поделиться с ним информацией о его будущем.

– Расскажу. Но для начала вы мне тоже кое-что расскажете. Например, о том, почему вы переехали в Турцию.

– Видите ли, когда французы забрали мой паспорт, то стало очевидно, что они могут выдать меня русским. Но главная причина не в этом: именно Турция находилась тогда на острие борьбы с Российской империей, которая отобрала у моей любимой и родной Польши ее свободу.

– У родной Польши? – я удивленно пожал плечами. – Однако родились вы в Киевской губернии, да и предки ваши со стороны матери были запорожскими казаками. А в Польшу вы попали во вполне взрослом возрасте, и то ненадолго. К тому же, насколько мне известно, вам не очень понравилось то, что поляки делали с евреями и русскими, сражаясь «за вашу и нашу свободу».

Чайковский с удивлением взглянул на меня.

– Откуда вы это знаете?

– Я читал ваши мемуары, пане Михале. Еще ненаписанные на данный момент.

– Скорее, еще неопубликованные, родственничек, – криво усмехнулся Чайковский. – Но вы правы: то, что французы лишили меня паспорта, и стало основной причиной того, что я покинул Париж. Воспоминания же о событиях тридцатого года – когда мои соратники вешали евреев и православных, всех, кого могли... Да, именно тогда я подумал, что хотел бы, чтобы Польша была свободной, но не очень хотел, чтобы именно эти люди захватили власть... Тем более что до тридцатого года у поляков было и без того более чем достаточно свободы. А те, с кем мне приходилось общаться в Париже... Знаете, была поэма некоего немца по имени Гейне под названием «Два рыцаря». Мне ее тайно прислали из Франции...

– Она весьма оскорбительна для поляков.

– Не для поляков, а, скорее, для «польского бомонда». И, что самое обидное для них, Гейне в точности описал их быт. Эх, сколько я знал таких, кто «храбро бился» аж до самого Парижа – как там написал Гейне? «Столь же сладко для отчизны уцелеть, сколь умереть!»

Как удивительно точно он описал их чванство, их высокомерие, их поведение и то, как они собирались вместе, чтобы выпить допьяна, всласть поругать москвитов и помечтать о великой Польше «от можа до можа»... Знаете, мне все это изрядно надоело, и я решил попробовать сделать хоть что-нибудь. Ведь альтернатива Турции у меня была – Североамериканские Соединенные Штаты. Но оттуда польской свободе помочь было невозможно.

¹³ Аллах, прости мне [мои грехи] (араб.).

– Да вы и здесь ей уже ничем не поможете. В шестьдесят третьем году в Польше снова вспыхнет восстание, не менее кровавое, чем то, что было в тридцатом. После него Польского королевства не станет, оно превратится в Привислянские губернии Российской империи. Кстати, лично вы отрицательно отнесетесь к этому мятежу. Сами же вы будете усмирять то одно восстание, то другое... Ведь именно этим вы занимались в Добрудже?

– Да, мне довелось подавлять здешний мятеж, – вздохнул Чайковский. – Если бы вы знали, с каким удовольствием я повесил бы несколько десятков своих казаков, которые чинили зверства среди местного населения... Но, увы, Омер-паша мне это накрепко запретил. Зато местные болгары¹⁴ и греки нас теперь ненавидят, и малороссийским переселенцам в этих местах стало очень скверно.

– Так вот, вам и в будущем предстоит только такая деятельность. Хотя сперва султан щедро наградит вас и назовет «глазом, ухом и правой рукой престола».

А потом, в шестьдесят седьмом году, в моей истории болгары поднимут восстание, и при его подавлении, по вашим же собственным воспоминаниям, турки станут вешать болгар так же охотно, как поляки в тридцатом году – евреев. От вас потребуют, чтобы ваш Славянский легион целиком перешел в ислам, а когда вы откажетесь отдать соответствующий приказ, то ваши же зятья начнут писать на вас доносы и в конце концов добьются вашей опалы. Только Россия протянет вам руку помощи, и вы переселитесь туда, где когда-то родились, перейдете в православие, будете неплохо жить, напишете мемуары. Но когда ваша молодая жена, привезенная вами из Турции, простите, пан Чайковский, наставит вам рога, то вы застрелитесь. И похоронят вас за церковной оградой. Могила же ваша с годами позабудется и зарастет бурьяном...

Чайковский с болью в глазах посмотрел на меня, но я продолжил:

– Кузен, я ничего не приукрашиваю. Но все это было в моей истории. Что будет в этой, после нашего появления, не знаю. Но боюсь, что Османская империя войну проиграет, а что за этим последует, не мне вам говорить.

– Да, боюсь, что русские заберут всю Добруджу.

Я посмотрел на него с сожалением – хоть мне и не были известны все планы нашего командования, я понимал, что только Добруджей дело не ограничится. Но вслух сказал:

– И что с вами будет, кузен, после этого? Если, конечно, вы выживете.

– Если мы останемся в Добрудже, то нас растерзает местное население. Если же уйдем на юг, в империю, полагаю, что в лучшем случае я получу шелковый шнурок¹⁵. А если в Россию... Боюсь, что меня там не простят. Сейчас не простят. Вот моих людей, тех, может быть, да. Смог же император Николай в 1829 году помиловать казаков-некрасовцев. Правда, не все они поспешили воспользоваться его прощением.

– Если хотите, то я могу замолвить за вас слово перед командованием...

– Да вы всего лишь штабс-капитан... – Чайковский грустно усмехнулся.

– Я журналист и знаком со многими высокопоставленными людьми, – ответил я. – В числе которых и его императорское величество. За вас лично готов ходатайствовать особо – все-таки родная кровь – не водица.

– Ах, зачем всё это? – Чайковский обреченно махнул рукой. – Конечно, спасибо вам за всё, но вам не стоит просить царя насчет моей особы, вы только испортите себе карьеру. Но за моих людей попросите. Эх, пане Миколае... Меня радует только одно: в далеком будущем в нашем роду появятся такие достойные люди, как вы. Ведь вы потомок не только Домбровских, но и Чайковских. Ладно, мне, я думаю, пора. Проводите меня до окраины села?

¹⁴ *Добруджа* – черноморское побережье от Дуная до Варны – было населено преимущественно болгарами, с греческим и турецким меньшинством; румын там тогда практически не было, Румыния получила Северную Добруджу на Берлинском Конгрессе 1878 года.

¹⁵ Получение черного шелкового шнурка в Османской империи приравнивалось к смертному приговору. Сановник, которому с почтением подадут изящный ларец со шнурком внутри, обязан был собственноручно на нем повеситься.

– С удовольствием! – кряхтя, я поднялся с лавки, потирая так некстати разболевшийся бок.

За последующие полчаса нашего общения я задал ему еще несколько вопросов про Добруджу и про Париж. А он расспросил меня про историю моей семьи. Его очень обрадовала новость о том, что Витольд, погибший в моей истории, выжил в этой. Чайковский снял с руки два перстня и сказал:

– Пане Миколае, передайте, пожалуйста, вот этот перстень Витольду. А этот – мой родовой перстень – я хочу подарить вам, на добрую славу. И... молитесь за меня, великого грешника.

Я прошел с ним мимо казачьего патруля, обнял и расцеловался с ним, а затем отправился в свои «нумера». Подходя к корчме, я услышал вдалеке одиночный выстрел. Вскочив на свою кобылу, я в сопровождении десятка казаков поскакал к тому месту, где стреляли. В небольшой рощице мы нашли труп пана Михала с ужасной раной головы. Пистолет он зажал в руке, а положение трупа и следы сгоревшего пороха вокруг его раны однозначно указывали на то, что произошло самоубийство.

Впрочем, тут были обнаружены и следы копыт, заметные при свете факела. Явно кто-то его здесь ждал, а потом ускакал на одной лошади, ведя вторую в поводу. Я перекрестился и встал на колени, вознеся к Господу молитву за упокой души воина Михаила. Да, он предал христианство, но в моей истории он вернулся в православие и, думаю, сделал бы то же самое и в этой истории, если бы я не разбередил ему душу. А что он покончил с собой – Господь ему судья, но никак не я.

Краем глаза я увидел, что все казаки, кроме двух, последовали моему примеру, да и те двое, хоть и несли караул, шептали слова молитвы.

Когда мы возвращались, десятник неожиданно рассказал, что мой батальон ушел дальше, в сторону селения Сатышкёй. Подумав, я направился в корчму, где приказал хозяину разбудить меня еще до рассвета, и лег спать. Кто ж знал, что меня поднимут среди ночи? И что Садык-паша перед смертью отдаст своим людям приказ сложить оружие и сдаться...

17 (5) ноября 1854 года.

Лондон, Даунинг-стрит, 10.

Баронет сэр Теодор Фэллон, бонвиван

Вчера я затемно покинул Тауэр – меня в сопровождении сэра Стэффорда вывезли из крепости на возке, на котором туда обычно привозят почту. Нас выпустили во внутреннем дворе главпочтамта, и я пожалел, что был не один – самое время было бы сейчас отправить письмо нашим. Впрочем, в здание мы не заходили: нас забрала другая карета, и мы отправились по туристическому маршруту.

Знаете, приятно погулять по Британскому музею, пока он еще не открыт для посетителей и когда сам директор музея ведет экскурсию, рассказывая о своих экспонатах... Заехали мы и на Бейкер-стрит, хотя мой спутник был несколько озадачен таким моим пожеланием. Кстати, ничего особенного я там не обнаружил, улица как улица, а номера 221-б, как я и предполагал, в природе не существовало. А вот Трафальгурская площадь, Национальная галерея, Национальная портретная галерея – это, конечно, не Дворцовая площадь с Эрмитажем, но все равно нечто. Затем были цирк Пиккадилли (где мы насладились послеобеденным чаепитием в отеле «Бат»), Оксфорд-стрит, Гайд-парк, Букингемский дворец, на который, впрочем, мне дозволили посмотреть только снаружи.

И тут к сэру Стэффорду подошел некто в ливрее и протянул ему конверт. Тот, прочитав, посмотрел на меня с виноватой улыбкой и сказал:

– Увы, сэр Теодор, ваш визави просит вам сообщить, что у него сегодня не получится с ужином и был бы очень благодарен, если бы вы согласились прибыть днем позже. Я сегодня

вечером доставлю вас обратно в Голландский дом, откуда завтра заберу около трех часов дня. А пока давайте съездим в Кенсингтон – вас приглашают в Оранжерею.

После осмотра парка – во дворец, понятно, не пускали – меня привели к Оранжерее, где лакей, впустив меня, попросил сэра Стэффорда вернуться за мной в девять часов вечера. Внутри меня ожидал богато накрытый стол и – сюрприз! – ее величество Александрина Виктория... Не буду утомлять вас подробностями нашей встречи, тем более, я их помню смутно, а по дороге к причалу я даже заснул в карете. Как меня смогли погрузить на «Матильду», а затем вновь выгрузить и довести до спальни в Голландском доме, я представить себе не могу...

На следующее утро я решил прогуляться по Саду Королевы – как вы, наверное, помните, он находится за Голландским домом и пускают туда лишь его гостей. Погода была довольно мерзкая: моросил мелкий холодный дождик, небо было затянуто серыми тучами – в общем, Архангельск или Питер летом...

Но, к моему удивлению, Катриону Макгрегор я нашел все в той же беседке. Болтали мы часа три – о России, о Шотландии, об Ирландии, о других странах, о литературе, о театре... Все было вполне невинно: мы сидели на ротанговых¹⁶ креслах по разные стороны стола в центре беседки и даже не притронулись друг к другу. Потом, спохватившись, что вот-вот подадут обед, мы поодиночке вернулись в Голландский дом – как оказалось, даже обедали мы в разных залах...

А после обеда меня забрал все тот же сэр Стэффорд и повез сначала в Сады Воксхолла – как ни странно, именно этот парк развлечений дал название русскому «вокзал», – а потом и на Даунинг-стрит, где он раскланялся, пообещав забрать меня после ужина.

В зале сидели трое: сам виконт Палмерстон, Каттлей и неуловимо знакомый молодой человек, одна из рук которого представляла собой забинтованную культю.

– Знакомьтесь, баронет, это сэр Альфред Черчилль.

– Хау ду ю ду, – вежливо сказал я, пожав однорукому руку и, увидев, что тот хочет пристать, улыбнулся, сделав успокаивающий жест:

– Не надо, сэр Альфред, сидите!

– Сэр Альфред был вчера назначен моим секретарем по вопросам Российской империи. Как вы знаете, он, гражданское лицо, попал в русскую тюрьму, где подвергался всяческим пыткам и потерял руку, а потом сумел бежать через Копенгаген еще до того, как последний был захвачен татарской ордой. Про него подробно писали и «The Times», и «The London Evening Standard», а «The Illustrated London News» посвятило его подвигу целый номер. Если вам интересно, могу потом вам его подарить.

Я опешил. Историю того, как сэр Альфред попал к нам, я знал, равно как и про условия его содержания – о них мне подробно рассказала все та же Лиза, у которой, кстати, были планы если не захомутать сэра Альфреда, то войти в местное общество с его помощью. С другой стороны, почему это меня должно было удивить? Именно английские СМИ – мастера лживой пропаганды с незапамятных времен... Я с улыбкой кивнул головой, мол, буду благодарен за столь щедрый подарок.

Как и полагается, разговор во время обеда – кстати, он был с явным французским уклоном и в любом случае намного вкуснее, чем тот, которым меня угощали два дня назад, – шел о чем угодно, только не о делах. Сэр Альфред еще раз рассказал про ужасы московского плена, а я лишь охал и ахал, думая про себя, какая же он все-таки гнида. А когда принесли виски и сигары, виконт сказал:

– Сэр Теодор, причина, по которой мы не смогли вчера встретиться, следующая. Как минимум две русских эскадры прошли через Датские проливы и начали охоту за нашими кораблями. Судя по всему, одна из них действует между Скагерраком и Абердином, а вторая

¹⁶ Изготовленные из стеблей ротанговой пальмы – материала легкого, прочного и гибкого.

пиратствует в Ирландском море. Обе, по рассказам свидетелей, состоят из нескольких кораблей странного облика. Первая захватывает наши суда и уводит их куда-то на восток, вторая же их попросту топит, сначала забрав из их трюмов все ценное и обобрав до нитки их команды. Впрочем, людей они по возможности не убивают.

– Какое варварство! – вздохнул я, про себя подумав, что тут как раз тот самый случай, когда англичан начали потчевать их же снадобьем.

А виконт тем временем продолжал:

– Сэр Теодор, нам нужно всего лишь узнать как можно больше о вашей эскадре, ее составе и ее вооружении. Сэр Альфред нам уже кое-что сообщил, но он видел ваши корабли лишь снаружи, да и лишь некоторые из них.

Ну что ж, подумал я, извольте. Тут мы как раз все с Женей обсудили; разве что тот факт, что они одну нашу эскадру приняли за две, требует определенных корректур. И я начал:

– Виконт, сэр Альфред, сэр Чарльз, я, конечно, не специалист по военным кораблям (я, понятно, не стал говорить о том, что служил срочную на флоте), но вот что я могу вам рассказать...

17 (5) ноября 1854 года.

Учебный корабль «Смольный».

Ирландское море.

Капитан 1-го ранга Степаненко Олег Дмитриевич

Отправив на Фареры пароход «Virago» с призовой командой, мы решили железной метлой пройти по Ирландскому морю, чтобы показать, кто правит здешними волнами¹⁷. Призы мы пока брать не будем: адмирал Кольцов решил, что нам просто не хватит призовых команд, да и отправлять их без сопровождения в Тронгсвагский фьорд, который стал нашей временной базой, было рискованно – по дороге они запросто могли нарваться на военные корабли британского королевского флота.

Дмитрий Николаевич отдал команду – встреченные торговые корабли англичан топить, а если на них будет что-либо представляющее для нас ценность – перегружать на «Бойкий» и «Смольный». Экипажи торговых судов по возможности отправлять на шлюпках в сторону берега, а если погода не позволит, то временно размещать на наших кораблях. А при первой же возможности переправлять их на встреченные нами пассажирские суда. Мы не жаждали крови – лишние жертвы нам были ни к чему.

«Урожай» в Ирландском море мы собрали неплохой: известия о том, что русские крейсера объявились в прибрежных водах Англии, еще не успели дойти до владельцев торговых судов. Хотя в портах уже объявили тревогу и выход в море был строго-настрого запрещен. Но тех, кто до этого предупреждения все же вышел в море, ожидал неприятный сюрприз.

Нашей добычей стали в основном суда каботажного плавания, следовавшие из портов Ирландии в британские порты. Грузы, которые они перевозили, чаще всего не имели отношения к военному ведомству. Но нашей задачей было блокирование британских портов и уничтожение торговых кораблей для того, чтобы вызвать панику среди судовладельцев и нанести ущерб экономике страны, с которой мы находились в состоянии войны.

Мы без особых затей останавливали встреченные нами колесные пароходы и парусники, осматривали их, после чего, заставив экипаж покинуть обреченный корабль, уничтожали его. Чтобы не тратить боеприпасы, чаще всего мы просто поджигали захваченные суда, благо большинство из них были деревянными, и горели они, словно рождественские свечи. Для этого по указанию адмирала Кольцова еще в Кронштадте были изготовлены зажигательные снаряды, которые исправно воспламеняли обреченные на уничтожение корабли.

¹⁷ Отсылка к британскому гимну «Правь, Британия», где есть строчка «Британия, правь волнами!»

Иногда грузы, которые они везли, были горючими, и мы экономили нашу пиротехнику. Помнится, среди прочих нам попался бриг, в трюме которого находилось десятка три бочек с ворванью – китовым жиром. Призовая команда вскрыла несколько бочек, вывернула их содержимое, а потом бросила в трюм зажженный факел. Полыхнуло так, что наши ребята едва успели спуститься в катер. Огонь горящего брига был виден потом на расстоянии нескольких миль.

Дмитрий Николаевич решил навести порядок в водах рядом с Ливерпулем – одним из крупнейших британских портов. Конечно, был риск столкновения с боевыми кораблями королевского флота, но «Бойкий» и «Смольный», пользуясь преимуществом в скорости, всегда могли уйти от превосходящих сил противника. Мы не собирались вести с ними артиллерийский бой – тратить дефицитные снаряды наших орудий было ни к чему. А вот обозначить свое присутствие и навести страх на торговые суда – это то, что доктор прописал. Зрелище пылающих кораблей должно было впечатлить жителей британских прибрежных городов.

Как и предполагал адмирал Кольцов, боевые корабли британского флота так и не вышли навстречу нашему отряду. Видимо, военно-морское начальство проинформировало своих подчиненных, чем может закончиться артиллерийская дуэль британских фрегатов и линкоров с «Бойким» и «Смольным». А несколько небольших торговых судов, перехваченных нами неподалеку от Ливерпуля, были показательно сожжены. Экипажи их, пересаженные на шлюпки, мы с миром отпустили.

Правда, Дмитрий Николаевич предупредил меня, что британцы могут и огрызнуться.

– Олег Дмитриевич, – передал он по радиации, – мне кажется, что англичане готовят какую-то подлянку. Скорее всего, они подтянут наиболее боеспособные корабли своего флота к выходу из Ирландского моря. В проливе Святого Георга они попытаются устроить нам «торжественную встречу». Там потомки адмирала Нельсона навалятся на нас всем скопом, чтобы уничтожить или захватить наши корабли. Понятно, что они понесут большие потери, но им надо во что бы то ни стало сохранить лицо, иначе никто уже не будет считать всерьез, что Британия – самая сильная морская держава мира.

– Дмитрий Николаевич, – спросил – и что вы собираетесь предпринять? Думаю, что мы сможем прорваться с боем, но наши корабли при этом могут получить повреждения, которые нам трудно будет исправить при нынешнем уровне техники.

– Нет, Олег Дмитриевич, мы не будем сражаться с британцами в артиллерийском бою. Нам это ни к чему. Мы проведем разведку, выявим их силы и ночью тихонечко проскочим мимо них. У нас есть радиолокаторы, с помощью которых легко будет выяснить местонахождение главных сил неприятеля. К тому же в этих местах часто бывают туманы, которые скроют нас, словно шапка-невидимка.

Все произошло так, как и предполагал адмирал Кольцов. Мы заранее обнаружили отряд британских военных кораблей – где-то около тридцати линейных кораблей и фрегатов. Они ждали нас в бухте Милфорд-Хейвен. Дождавшись ночи, «Бойкий» и «Смольный» в темноте тихо прошмыгнули мимо англичан и вырвались в Атлантический океан. Обогнув с юга Ирландию, мы пошли вдоль ее побережья, уничтожая все встреченные британские торговые суда.

– Олег Дмитриевич, – сообщил мне адмирал Кольцов, – будем истреблять вражеский тоннаж до Голуэйя, а потом снова начнем захватывать призы. Нас ждут в Твёройри, где мы подведем итоги нашего рейда, заправимся и дадим отдых экипажу. И заодно узнаем, как оценят результаты этого крейсерства британцы. Думаю, что у них появится обильная пища для размышлений. Будем надеяться, что выводы из всего случившегося они сделают правильные...

17 (5) ноября 1854 года.

Кройцвальд, Лотарингия.

Лейтенант-полковник¹⁸ Дитрих Диллензегер, Эльзасско-Лотарингский легион

Под морозящим холодным дождем у церкви Святого Креста на Рыночной площади Кройцвальда стоял принц Наполеон-Жозеф Бонапарт в мундире, увешанном боевыми наградами, и в треуголке на голове. Его почетный караул состоял из двух десятков солдат – по десятку от французских частей и от Эльзасско-Лотарингского легиона. Справа от него, подбоченясь, стоял генерал Мак-Магон, а слева – ваш покорный слуга, только что произведенный в подполковники, чтобы хоть как-то соответствовать занимаемой должности: особых боевых заслуг у меня, увы, не было.

Несмотря на мерзкую погоду, площадь была полна народу: женщины, дети, старики... Принц приветствовал их всех – практически никто из них не выразил особой радости – и произнес краткую речь по-французски про то, что родина в опасности и что пора прекращать никому не нужную войну далеко на востоке. И что он берет на себя всю полноту власти, а после победы обещает немецкоязычным районам страны свободу и независимость.

Потом слово передали мне, вместе с текстом речи, переведенным на немецкий. Но я, по наитию, попросту сказал на моем родном диалекте центрального Эльзаса, который хоть и отличался от лотарингского, но вполне был им понятен – намного более, нежели стандартный немецкий или тем более южноэльзасский:

– Дорогие соотечественники! Самозванец Луи-Наполеон, провозгласивший себя императором, принес неисчислимые беды на многострадальную землю немецкой Лотарингии и Эльзаса.

На доселе хмурых лицах толпы появилось удивление. А я продолжал:

– Принц Наполеон-Жозеф, истинный наследник императора Наполеона и герой войны, согласился взвалить на себя тяжелое бремя власти. Но, кроме того, он пообещал всем нам – и немецкой Лотарингии, и Эльзасу – свободу и независимость после своей победы. Больше никто не будет заставлять нас говорить на чужом языке. Больше ни один суд не засудит нашего гражданина только потому, что он плохо говорит по-французски, или потому, что его противник – хлыщ из Парижа либо Лиона. Но нам для этого нужно сделать немного: помочь свергнуть самозванца.

Из толпы раздался женский крик:

– Луи-Наполеон тоже обещал нам процветание. А теперь они забрали всех наших мужчин, наших отцов, мужей и детей, чтобы они погибли за него вдали от родины.

Толпа загудела, но я поднял руку, чуть поклонился и отчеканил:

– Дорогие соотечественники, я знаю генерала Бонапарта, я сражался вместе с ним в далеком Крыму. Он – человек неоспоримой храбрости и кристальной честности. Он создал из нас, лотарингцев и эльзасцев, Эльзасско-Лотарингский легион. И он пообещал нам свободу. И я – лейтенант-полковник Дитрих Диллензегер – и солдаты и офицеры моего Легиона – верим ему.

Та самая женщина – лет примерно сорока – вышла из толпы и сказала:

– Конечно, мы, лотарингцы, никогда не любили эльзасцев и не доверяли им. Но вам я почему-то верю, а принцу – тем более. Вот только несколько дней назад пришли жандармы и угнали практически всех мужчин в лагерь для новобранцев под Метцем. Сказали, что злые русские зверски убили всех наших солдат на Черном море и что империя в опасности.

Нарушая субординацию, из десятка моих солдат вышел вперед один и сказал:

– А я вас знаю. Вы – Берта Мюллер. Вы с мужем бывали у нас в гостях в Виллингене. Я – Лоренц Метцгер.

Фрау Мюллер внимательно посмотрела на Метцгера и сказала:

– Вы очень похожи на мать, герр Метцгер.

¹⁸ Leutnantoberst – подполковник.

– Фрау Мюллер, поверьте мне, это мы пришли с войной на русские земли, и да, многие из нас погибли. Но тех, кто все же выжил, русские лечили и достойно содержали. И отпустили нас под честное слово более не воевать с ними. Так что и я, и многие другие лотарингцы, живы и находятся в составе Легиона, либо лечатся в российских госпиталях.

– Благодарю тебя, мой мальчик, – всхлипнула фрау Мюллер, а я, уловив момент, сказал: – Есть ли здесь кто-нибудь, кто знает, где именно находятся эти лагеря?

Мальчишка, лет, наверное, двенадцати (более старших мужчин в толпе, похоже, и не было) поднял руку:

– Я! Я и мои друзья. Нас тоже сначала увели, но потом отпустили, сказав, что берут рекрутов только с четырнадцати лет. Лагеря находятся у Ванту, восточнее Метца.

Тут вдруг снова заговорил принц, причем по-немецки, хоть и с небольшим акцентом:

– Я, принц Наполеон-Жозеф Бонапарт, обещаю вам, что мы уже завтра освободим ваших мужчин. Тех, кто не захочет служить в Легионе, или тех, кто слишком стар, либо кому не исполнилось еще шестнадцати лет, мы отпустим по домам. А когда мы победим, мы не забудем тех, кто служил нам, и даже после провозглашения независимости немецкой Лотарингии и ветераны, и семьи погибших будут получать пенсию от французского государства. Слово Наполеона!

Толпа, еще недавно такая подавленная, взорвалась приветственными криками, и скоро уже нас – и немцев, и французов – развели по домам и начали кормить. А после обеда мы уже маршировали в сторону Метца, причем наш легион шел в авангарде. А тот самый мальчик сидел на коне рядом с будущим императором – он отпросился у матери, чтобы показать нам дорогу.

Да, еще вчера, когда мы прибыли в Варндтский лес с немецкой его стороны и когда нам выдали оружие и позволили его пристрелять, свобода наших земель представлялась мне прозрачной, но сейчас, на нашей – да, нашей – земле я понял, что недалек тот день, когда все жители здешних краев смогут говорить на родном языке и жить так, как их предки жили столетиями. А если я не доживу до этого дня, так тому и быть, не такая уж это большая цена...

17 (5) ноября 1854 года.

Силистрия.

Кузьма Нечаев (Ахмед Али-бей), командир Славянского легиона

Колагасы¹⁹ прочитал бумагу, посмотрел на нас и сказал:

– Господа, я рад, что вы пришли, – нам важен каждый аскер. Сколько вас?

– Триста сорок пять, колагасы, – бросил я с некоторым высокомерием: ведь бинбаши²⁰ – чин хоть и ненамного, но повыше колагасы. С другой стороны, не стоило его злить, если учесть, что наши цели не соответствуют нашей легенде...

– Так мало... – уныло промямлил тот.

– Это у вас здесь не было боев. А у нас кто погиб при Тульче, кто при попытке прорваться в Кёстендже... А последние кахраманы²¹ – в битве у Сарая, когда мы нанесли серьезный урон вероломному противнику, но потеряли нашего командира, Мехмеда Садык-пашу.

– У вас есть раненые?

– Нет, колагасы, раненых мы отправили в сопровождении легкораненых в Хаджиоглу Пазарджик, подальше от линии фронта.

¹⁹ Турецкое звание между капитаном и майором, соответствовало недолго существовавшему секунд-майору в русской армии.

²⁰ Майор; буквально «тысячник».

²¹ Герои.

– Правильное решение, – кивнул колагасы. – Они не смогли бы нам помочь, а вот помешать... – он посмотрел еще раз в приказ Омер-паши (кстати, настоящий, только с чуть подправленной датой, но это было сделано столь искусно, что заметить подмену было непросто), пожевал губами и продолжил: – Бинбаши, здесь написано, что вы подчиняетесь лично Омер-паше.

– Именно так, колагасы. Уполномочен сообщить вам только одно: усиливать гарнизон какого-либо укрепления мы не будем, а в случае нападения неприятеля будем действовать согласно имеющимся инструкциям. Ведь наша сила именно в мобильности.

– Хорошо. Четыре дня назад мы изгнали из города всех греков, и их квартал – он как раз примыкает к Кайнарджийским воротам – свободен. Займете любые пустующие дома гяуров. Им пришлось уйти налегке, поэтому у них в конюшнях будет сено, а колодцы там на каждом шагу. Я распорядюсь, чтобы вам выделили продовольствие. – И он чуть заметно склонил голову, мол, вижу, что вы повыше меня чином, но власть здесь я.

Вскоре мы с Андреем Нечаевым – так звали моего «юзбаши» – расположились в богатом греческом доме. Кто он на самом деле, не знаю – его и десяток других нам придало русское командование. А на мой вопрос, откуда он, тот с еле заметной усмешкой ответил:

– Я тоже из казаков, Кузьма Михалыч. А большего, увы, не имею права вам сообщать. Пока не имею.

– А мы с вами не родня, Андрей Ильич?

– Возможно, Кузьма Михалыч, – улыбнулся тот.

Такое впечатление, что ему известно больше, чем мне. Очень уж он похож на моего старшего брата, которого тоже зовут Андрей и который несколько лет назад решил с десятком других попытать счастья в России. Я б даже подумал, что этот Андрей – его сын, но возраст... да и отчество не то.

После того, как мы чуть поели фруктов, найденных в кладовке, а мой ординарец, Алексей Лещенко, начал что-то готовить из обнаруженных там запасов – кто знает, когда наконец принесут то, что нам полагается, – Андрей уединился в соседней комнате, предварительно задернув полог. Я знал, что в такой ситуации его ни в коем случае нельзя трогать. Через несколько минут он вышел и сказал:

– Ну что ж, Кузьма Михалыч, прогуляюсь-ка я немного...

17(5) ноября 1854 года.

Османская империя. Кёстендже

Меньше недели прошло с той трагической ночи, когда напавшие на город и порт русские уничтожили в Кёстендже склады с продовольствием, боеприпасами и военным снаряжением. Ущерб от этого нападения был огромен. И он заключался не только в потере имущества на многие десятки, а может быть, и сотни тысяч фунтов и франков.

Утеряна была вера в победу над проклятыми русскими. Никто уже не надеялся на то, что царь Николай будет повержен, а турки и их союзники погонят прочь своих исконных врагов с земель, которые нечестивые гяуры отобрали у правоверных в течение последних ста лет. К тому же сами союзники – британцы и французы – перессорились между собой и готовы были вцепиться друг другу в глотку. Разве с таким настроением можно было вести победоносную войну?

Новости с фронтов тоже не радовали гарнизон Кёстендже. Русские двигались на юг подобно снежной лавине. После последних диверсий флот союзников позорно бежал из Черного моря в Проливы, и царские войска беспрепятственно высаживали десанты в портовых городах, блокируя и вытесняя гарнизоны. Командующий турецкими войсками в Кёстендже подозревал, что русские могут снова совершить набег на город. Только на этот раз они не

ограничатся уничтожением военного имущества. Кёстендже нужен был командованию русских войск как опорный пункт для продвижения их главных сил к Эдирне²² и далее – к Стамбулу.

Догадывались о подобном варианте развития событий и командиры британских и французских частей. Они поспешили вывести из города наиболее боеспособные батальоны, отправив их по сухопутью в Стамбул. В самом Кёстендже остались лишь вспомогательные и тыловые части, которые потихоньку собирали багаж, чтобы в самое ближайшее время покинуть город. Но русские опередили их...

Эти варвары нагрянули внезапно, причем сразу с двух сторон. С моря, прямо на причалы, был высажен десант. Береговые батареи, разгромленные еще при прошлом набеге, даже не пытались открыть огонь по русским кораблям. Увидев среди русских фрегатов и корветов стальные «корабли-убийцы», о которых рассказывали всякие ужасы, турецкие артиллеристы пустились наутек, забыв, как им предписывал устав, заклепать свои орудия.

Еще один отряд русских, в основном состоявший из казаков и драгун, напал на город с суши. Казаки, развернувшись лавой, сбили союзный конвой, сопровождавший обоз с продуктами и фуражом, вышедший из крепостных ворот. В мгновение ока изрубив тех солдат, кто попытался оказать им сопротивление, они на плечах бегущих ворвались в город. Турецкий отряд, пытавшийся остановить русскую кавалерию, неожиданно с тыла был атакован местными греками и болгарами. Зажатые с двух сторон турки сопротивлялись недолго. Вскоре они бросили оружие, опустились на колени и дружно закричали «Аман!». Казаки и драгуны прекратили беспощадную рубку, а вот местные жители с дикими криками стали резать глотки запрошившим пощады туркам. С большим трудом русские отбили у них пленных и под конвоем десятка казаков погнали за ворота крепости.

Турецкий паша, командующий гарнизоном Кёстендже, не питал никаких иллюзий. Он знал, что город ему не удержать, и потому спешно набросал письмо командиру русских сил, высадившихся в порту. В нем он предлагал передать город, арсенал и воинские склады (точнее, то, что от них осталось) в полной целостности и сохранности русским, а турецкий гарнизон выпустить из города, сохранив лишь личное оружие офицерам и по одному ружью на десяток пехотинцев. Насчет частей союзников в этом письме не было ни слова. С одной стороны, паша не мог вести переговоры от имени их командиров, а с другой – он со злорадством подумал, что эти самоуверенные франки и инглизы пусть сами выбираются из той ловушки, в которую превратился атакованный со всех сторон Кёстендже.

Парламентер с белым флагом, письмом паши и в сопровождении двух трубачей с большим трудом пробился к порту. То и дело его обстреливали, несколько сопровождавших парламентера кавалеристов-сувари были убиты или ранены. Русский генерал, которому было вручено письмо паши, немного подумав, согласился с условиями капитуляции, предложенными командующим гарнизоном Кёстендже. Вместе с парламентером в турецкий штаб отправился ротмистр, который должен был оговорить порядок сдачи оружия и выход османских частей из города.

А вот с частями союзников, которым не посчастливилось вовремя покинуть Кёстендже, пришлось повозиться. Они заняли постоянные дворы, имевшие крепкие стены, и приготовились как можно дороже отдать свои жизни. Французы и британцы были напуганы историями, рассказываемыми «очевидцами жутких зверств русских варваров». Солдаты союзников не желали, чтобы дикие казаки содрали с них кожу, вырвали у еще живых сердце или зажарили их на костре. Поэтому они встретили предложение русских о сдаче в плен ружейным огнем.

Русский генерал, командовавший десантом, узнав об этом, велел не лезть на рожон и не спешить со штурмом укрепленных зданий, занятых союзниками. По его приказу в городе нашли несколько десятков больших повозок и загрузили их кипами хлопка, изъятых со

²² Адрианополию.

склада одного турецкого торговца. Под их прикрытием предполагалось подобраться к воротам осажденных зданий, взорвать их порохowymi зарядами, после чего ударить в штыки.

Но перед решающим штурмом было решено еще раз предложить англичанам и французам сложить оружие. Для этого использовали союзных солдат, захваченных в порту во время высадки. Пленные рассказали своим соотечественникам, что с ними обращаются хорошо, убивать их не собираются, как и отправлять в ужасную Сибирь.

В свою очередь, представители русского командования обещали сдавшимся личную безопасность и возвращение домой после окончания боевых действий. Раненым была обещана медицинская помощь.

В случае же отказа осажденных предупредили, что никакой гарантии их безопасности не будет. На размышление давалось три часа.

После истечения этого срока из окон большинства окруженных зданий выбросили белые флаги. Лишь гарнизон одного постоянного двора, состоявший из британцев, отказался сложить оружие. По окнам здания был открыт меткий ружейный огонь. Стрелки-штуцерники выбивали тех храбрецов, кто пытался отвечать на обстрел. Несколько солдат, подобранных к стене осажденного здания, забросили во двор кувшины с нефтью, или, как ее называли здесь, «земляным маслом». Ее уже добывали в расположенном в Валахии городке Плоешти.

Забросив через стену кувшины с нефтью, солдаты швырнули вслед за ними горящие факелы. Во дворе вспыхнуло пламя. Загорелось сено, приготовленное для лошадей и ослов постояльцев, дрова для приготовления пищи. Дико кричали британцы, безуспешно пытавшиеся потушить огонь. Вскоре в окна здания показались белые флаги. Последний очаг сопротивления в Кёстендже был ликвидирован...

17 (5) ноября 1854 года.

Фолкстон, Англия. Вилла «The Leas».

Барон Майер Амшель («Маффи») де Ротшильд, представитель английских Ротшильдов.

Барон Альфонс Джеймс де Ротшильд, представитель французских Ротшильдов

– Здравствуй, Маффи! – Альфонс, будучи помоложе, первым бросился в объятия кузену. – Прохладно тут у вас, в Англии.

– Прохладно-то прохладно, Альфи, – заметил с усмешкой Маффи все на том же немецком языке, – да только у нас на вилле хоть топят. А то знаешь этих англичан, экономят как могут, иногда всю зиму не пользуются камином, а в ноябре его, почитай, никто еще и не растапливает.

– А еще они называют нас, евреев, жадными, – хмыкнул Альфи. – Ни один еврей не будет сидеть в холоде, если у него есть хоть немного денег, чтобы купить угля или дров.

– И вот из-за этого презренного металла мы с тобой сегодня и собрались, – с ненаигранной грустью добавил Маффи. – Кузен Лионель не может в данный момент отлучаться из Лондона – никогда не знаешь, когда Палмерстон заявится с очередным запросом. Кстати, твой дядюшка прислал тебе кое-какие подарки, в том числе и несколько бутылок вина нового урожая. Из виноградников Шато-Лафит в Бордо, естественно.

Альфред чуть посмурнел и подумал: «Подожди, дядя Лионель, вот куплю я Шато-Мутон, тогда посмотрим, кто кого».

Вслух же сказал:

– Передай дядюшке Лионелю мою благодарность – ты же знаешь, как я люблю хорошее вино, – и огромный привет от его дочери и зятя в моем лице. А мой папа, увы, приболел – подагра, будь она неладна. В последнее время он из-за болезни практически все время в Париже. Поэтому у меня все полномочия для принятия решений – как, полагаю, и у тебя тоже.

– Именно так. Причем решения, не побоюсь этого слова, судьбоносные – ведь ситуация сложилась весьма и весьма угрожающая. И хоть мы, Ротшильды, славимся тем, что умеем получать максимум выгоды из любой ситуации, как тогда, во времена Ватерлоо²³, но сейчас все пошло совсем не так, как мы планировали.

Русские побили и Британию, и Францию, сначала на Балтике, затем и в Крыму. Теперь же они вновь форсировали Дунай и захватили Галац. Пруссия стала де-факто союзницей московитов, Австрия хоть и осталась якобы нейтральной, но пытается всячески задобрить русского медведя. Во всяком случае, делает вид, что пытается...

– Кроме того, русские взяли Бургас и окружили Варну и Кёстендже, – вставил Альфи, – они же устроили масштабные диверсии в обоих портах. Так что падение Османской империи – это вопрос времени.

– Час от часу не легче, – помрачнел Маффи. – И что еще хуже, Наполеон-Жозеф только что вошел в Лотарингию и объявил себя императором. Он движется на Париж.

Альфи побледнел:

– Нужно срочно предупредить об этом папу.

– Мы послали ему телеграмму сегодня утром, – отмахнулся английский Ротшильд, – твой отец уже все знает.

– Это хорошо, что ты поставил его в известность, но ситуация очень сложная. Неизвестно, на чью сторону теперь перейдет французская армия. Увы, последний призыв, когда начали грести всех подчистую, особенно поближе к столице, вызвал большое неудовольствие среди французов. Что на Луаре, что в Шампани, что в Пикардии, что в Лотарингии, император везде стал крайне непопулярен, а Плон-Плон, как ни крути, герой войны, пусть и побывавший в плену. А пообещает он, к гадалке не ходи, мир. Тем более что Франции – в отличие от нас – вооруженный конфликт с русскими был абсолютно не нужен.

– Да, войну, похоже, придется сворачивать, причем это ни для кого не будет сюрпризом. Лионель поговорит с Викторией и с Палмерстоном, и все вместе мы попробуем найти решение, которое подойдет и им, и нам, – тут он зловеще улыбнулся. – Твой папа свяжется с Луи-Наполеоном. Тебе, наверное, стоит послать человека к Наполеону-Жозефу, а еще лучше самому к нему съездить, в зависимости от ситуации. Я немедленно pošлю почтовых голубей дяде Соломону в Вену и дяде Амшелю во Франкфурт. Кто знает, может, нам удастся хоть как-то спасти ситуацию в Австрии и в Пруссии. Но главная проблема, как ты понимаешь, не в этом.

– Понятно, нам нужно как можно быстрее помириться с русскими. Попробуем предложить им льготный кредит, а заодно и предложим подыскать новую кандидатуру на роль агента влияния вместо Нессельроде. Знаю, что министр финансов Петр Брок пытается хоть как-нибудь закрыть дыру в бюджете. Война – дело весьма дорогостоящее. Попытаемся выйти на него и провести предварительный зондаж. Но нужно действовать весьма деликатно – фамилия Ротшильд в России ныне не очень популярна. Кроме того, нужно быть очень осторожными, имея дело с людьми из той таинственной эскадры – их реакция абсолютно непредсказуема.

– Знаешь, Альфи, а вот тут у меня есть одна задумка. Не так давно в Финляндии сумели захватить и доставить сюда человека с той самой эскадры. Вики, как мне докладывали, уже успела сделать из него мальчика-игрушку...

– Вот как? А я-то думал, что она мужу не изменяет.

– Ну, по слухам, когда его нет рядом, то она не гнушается и простым слугой. Но стопроцентной информации у меня не было. А вот теперь – есть. Не зря ведь у нас есть осведомители в большинстве королевских замков. И этот Фэллон...

²³ Пользуясь хорошо поставленной системой разведки, именно Натан де Ротшильд, отец Лионеля и Майера Амшеля, первым узнал о победе союзников – и распустил слух, что победил Наполеон, в результате чего ему удалось скупить огромное количество ценных бумаг за бесценок и умножить свое состояние.

– Он что, ирландец?

– Да нет, но у него какая-то непрогнозируемая русская фамилия. Вики сделала его баро-нетом и дала ему новую. Так вот, неплохо бы выяснить через него, кто есть кто в эскадре, ведь действовать, не имея всей полноты информации, стоит лишь в самом крайнем случае. А здесь, как мне кажется, у нас хоть немного времени, но есть.

– То есть ты займешься этим Фэллоном?

– Именно так. И тогда можно будет встретиться еще раз и обсудить оптимальную стратегию в отношении России. Встречу можно назначить здесь же, либо, например, в Булони. А пока давай пойдем отобедаем.

– Нет, Маффи, лучше уж я немедленно отправлюсь домой – яхта стоит под парами. До связи!

18 (6) ноября 1854 года.

Османская империя. Люлебургаз (Аркадионополь)

– Правоверные, что же такое происходит! – голос водоноса Гасана, казалось, разносился по всему городскому базару. – Смерть идет на нас в обличье слуг Иблиса, которых наслал на нас Ак-падишах²⁴.

– Да погоди ты, Гасан! – перебил его торговец пахлавой и рахат-лукумом Ибрагим. – Ты толком скажи, о каких таких слугах Иблиса идет речь? Если ты имеешь в виду русских аскеров, так что в этом такого? С ними воевали наши отцы, наши деды и прадеды. Бывало, что они побеждали нас, но ни разу они не занимали наш город. Вот в Эдирне они побывали четверть века назад. Ну и что? Зашли, постояли, заключили мир с нашим повелителем и снова ушли в свои дикие леса. Так, наверное, будет и в этот раз. Ведь сейчас вместе с нашими войсками против русских сражаются войска французов и англичан.

– Ты глуп как ишак, Ибрагим, – завопил Гасан. – Те русские, которые победили войска франкского императора и британской королевы, да и наши войска тоже, сильны как львы и свирепы как волки. Все бегут от них, даже храбрые аскеры падишаха. Вот, кстати, посмотрите: отряд пехотинцев вошел в ворота нашего города. Судя по возрасту и выправке – это редиф²⁵. Давайте у них спросим, что происходит...

– Эй, аскеры, – крикнул Гасан, – скажите нам, откуда вы и куда следуете?

По команде усталого и покрытого с ног до головы серой дорожной пылью юзбаши солдаты покинули строй и уселись на корточках вдоль стены караван-сарая.

– Слушай, ты, горлопан, – ответил юзбаши, – разве так встречают правоверные путников после долгого и опасного пути? Мои аскеры голодны, и их мучит жажда. Мы уже больше суток идем, не имея возможности ни отдохнуть, ни поесть.

Гасан засмутился и опустил взор. Потом он вздохнул, снял со своего ослика кувшин с чистой родниковой водой и жестом показал аскерам, мол, подходи и пей.

Кто-то из торговцев поднес служивым поднос с горячими лепешками, кто-то дал корзину с фруктами, кто-то щедро угостил аскеров крепким и душистым «самсуном»²⁶.

Юзбаши, выпив пиалу воды, сел под навесом, скрестив ноги, и стал внимательно следить за тем, как насыщались подчиненные. Его обступили самые уважаемые торговцы и стали задавать вопросы: куда движется отряд, когда последний раз они видели неприятеля и что будет с Османской империей. Юзбаши отвечал степенно, взвешивая каждое слово. И от того его слова вызывали доверие у торговцев, которые немало повидали на своем веку и научились с ходу определять, правду говорит человек или нет.

²⁴ *Белый повелитель* – так турки называли русского царя.

²⁵ *Редиф* – резервные части армии Османской империи.

²⁶ Сорг табака.

– Уважаемые, то, что вы видите перед собой – это все, что осталось от моего бейлюка²⁷. Два десятка измученных аскеров, которых я веду в Стамбул, чтобы защитить столицу нашего государства от наступающих русских. Они словно вода во время паводка растекаются по нашим землям...

– И войска нашего падишаха не могут их остановить? – дрожащим голосом спросил Али-бей, торговец коврами. – Неужели неверные настолько сильны?

– О, уважаемые, вы даже не можете представить себе, с какой силой нам пришлось столкнуться! – воскликнул юзбаши. – Эти русские – настоящие дели²⁸. Они артиллерией сметают все на своем пути, убивают всех, не щадя даже тех, кто хочет сдаться. А если бы видели, что они вытворяют в захваченных городах и деревнях!

Почтенные купцы, услышав слова юзбаши, побледнели и затряслись от страха. Они уже слышали нечто подобное, но в душе надеялись, что все это рассказни трусов, которые бежали с поля боя, а теперь искали оправдание своему бегству.

– И что, эфенди, от них нет спасения? – запинаясь, произнес Али-бей. – Ведь эти слуги Иблиса могут ворваться и в наш город.

– Я слышал, что если какой-нибудь город или селение демонстрировали покорность и не оказывали русским сопротивления, то они никого не трогали и даже запрещали своим аскерам обижать жителей, невзирая на их веру. Тут у них строго: если начальник приказал, то ни один русский не посмеет нарушить его приказ. Может быть, и ваш начальник гарнизона не станет рисковать и выведет войска из города. Пусть он движется вслед за нами в Стамбул. Все равно он не сможет защитить Люлебургаз от гнева русских.

– Эх, куда там! – обреченно махнул рукой Али-бей. – Наш Искандер-паша храбр как лев, но глуп и упрям как ишак. Он непременно полезет в драку с русскими и тем самым обречет на разрушение и погибель и город, и его жителей. О, наши бедные дети! О, наши бедные жены и дочери! Неужели мы все погибнем от штыков русских солдат и сабель их ужасных казаков?!

Вскоре юзбаши собрал своих аскеров, и они снова отправились в путь. А на базаре еще долго кипели страсти. В конце концов самые уважаемые люди города решили отправиться к командующему гарнизоном Искандер-паше, чтобы уговорить его оставить город и отправиться в Стамбул.

Но их ждало разочарование. Разъяренный Искандер-паша приказал своим слугам гнать просителей прочь плетьюми. А Али-бея, который вздумал дерзить ему, Искандер-паша приказал обезглавить.

Казнь человека, которого уважал и любил весь город, переполнила чашу терпения жителей Люлебургаза. Ночью дом, в котором находился штаб Искандер-паши, охватило пламя. Двери оказались подпертыми огромными камнями, а тех, кто пытался выпрыгнуть из окон, встречали меткие выстрелы из ружей.

Сам же гарнизон предпочел сохранять нейтралитет. Солдаты и офицеры не испытывали никакого желания воевать со страшными «дели» царя Николая, и потому после гибели Искандер-паши они покинули город и отправились в Стамбул. Правда, дошли до голубых вод Золотого Рога далеко не все. Больше половины дезертировало.

А еще через два дня в Люлебургаз вошли русские войска...

18 (6) ноября 1854 года.

Лондон.

Сэр Теодор Фэллон, баронет Соединенного Королевства

²⁷ Бейлюк – в армии Османской империи соответствует роте – примерно около сотни человек.

²⁸ Дели – дословный перевод с турецкого: «безумный», «сорвиголова», «отчаянный»; так в армии Османской империи называли воинов, безрассудно храбрых в бою.

– Сэр Теодор, скажите, а вы... женаты? – спросила моя прекрасная собеседница, мило покраснев и смущенно вертя в руках платочек.

– Был, – хмуро ответил я. – Но, увы, недолго.

– Вы... не подошли друг другу? – кокетливо улыбнулась Катриона.

– Ее убили, – жестко ответил я. – Практически сразу после нашей свадьбы, – я пытался сдержаться, но неожиданно перед моими глазами появилось милое, улыбающееся лицо Сонечки, ее ямочки на щеках, зеленые глаза, чуть широкие скулы... А потом вспомнился ее окровавленный, истерзанный труп, и мои кулаки непроизвольно сжались, а в глазах предательски защипало.

– Вам ее, наверное, очень не хватает, – вздохнула Катриона и взглянула на меня с жалостью и сочувствием. – Простите меня, я не хотела бередить ваши раны.

Вместо ответа я прочитал стихотворение, рассказанное мне Соней, когда после нашей единственной брачной ночи мне пришлось уезжать. Прочитал по-русски:

Ты не расслышала,
А я не повторил.
Был Петербург, апрель,
Закатный час,
Сиянье, волны,
Каменные львы...
И ветерок с Невы
Договорил за нас.
Ты улыбалась.
Ты не поняла,
Что будет с нами,
Что нас ждёт.
Черёмуха
В твоих руках цвела...
Вот наша жизнь прошла,
А это не пройдёт.

Помнится, я тогда спросил у нее, чье это стихотворение. Сонечка засмеялась, чмокнула меня в нос и сказала: «Георгия Иванова, невежда. Наверное, лучшего поэта русской эмиграции».

Потом я купил томик его стихов, но смог прочитать лишь биографию поэта: почему-то даже мысль о других его стихах слишком уж больно напоминала мне о моей любимой. А стихотворение это врезалось в память.

Спохватившись, что Катриона не понимает русского языка, я перевел ей текст стихотворения, как смог. Она долго молчала, а потом сказала:

– Как бы я хотела, чтобы это было про меня...

– Желаю вам, мисс Мак-Грегор, – ответил я, – чтобы ваша жизнь была долгой и счастливой, и чтобы вам не пришлось пережить того, что пришлось пережить ей. Или автору этих строк.

– А Санкт-Петербург действительно так красив? – неожиданно спросила Катриона.

– Это самый красивый город в мире, – с ходу ответил я, вспомнив перламутровый блеск белой ночи, мосты, выгнувшие лебединые шеи над сонной Невой, и плывущие из Ладоги в Финский залив корабли...

– Как бы я хотела его увидеть... – тут она вдруг ойкнула.

В беседку вошел сэр Стэффорд собственной персоной. Увидев нас, он отвесил легкий поклон и сказал:

– Сэр Теодор, нам нужно срочно покинуть Голландский дом. Ваши вещи уже упакованы и перенесены на «Матильду». Мисс Мак-Грегор, вам также следует немедленно вернуться в ваши комнаты. Причем прямо сейчас, без всякого промедления.

У беседки нас уже поджидали трое: двое мужчин в штатском, но с несомненной военной выправкой, и дама квадратных пропорций и с такой же квадратной физиономией. Последняя отконвоировала – иначе это и не назвать – мою спутницу в направлении Голландского дома. Увидев это, я попытался было вступить за Катриону, но тут же почувствовал, как что-то твердое уперлось в мою спину, а один из моих спутников скрипучим неприятным голосом предупредил меня:

– Сэр Теодор, держите рот закрытым. Вот так, молодец...

Сэр Стэффорд молча шел впереди нас, словно поводырь, а двое его подручных поволокли меня под руки под мелким холодным дождем к Темзе, где у мостков нас ждала моя старая знакомая – «Матильда».

На пароходе мне завязали глаза черной косынкой и стянули руки за спиной, после чего втолкнули в какое-то помещение, усадили на табуретку и заперли на ключ. Сколько я там сидел, не знаю, но прошло никак не менее часа или двух, когда меня вывели из моего узилища и снова куда-то потащили.

И вот, наконец, косынку сняли с моих глаз, и, после того, как мои глаза снова привыкли к свету, я увидел... двор лондонского Тауэра, где мне недавно уже пришлось побывать. Затем кто-то развязал мне руки, и вскоре я с наслаждением растирал их, пока меня вели в одно из зданий королевского дворца-тюрьмы. Сначала сэр Стэффорд провел меня в подвал здания, где я увидел дыбу, кнуты, щипцы, а также некоторые другие приспособления для членовредительства. Что ж, весьма приятная обстановка...

– Не бойтесь, сэр Теодор, этот реквизит не для ваших апартаментов, – «пошутил» сэр Стаффорд и хрипло рассмеялся. – Я очень надеюсь, что вам он не понадобится. Хотя среди obsługi Тауэра есть люди, которые еще не разучились правильно пользоваться этими инструментами для задушевных бесед. А теперь пойдем, посмотрите, где вам предстоит отныне жить.

Комната, куда меня привели, несмотря на скромную обстановку, все же выглядела намного приятнее, чем пыточная. Большая кровать с сырыми простынями, тазик с водой, кусочек мыла на деревянной тарелочке, ночная ваза, небольшой столик и колченогий табурет рядом с ним. И, как говорится, всё. Но хотя бы потолки здесь высокие. Единственное окно было забрано решеткой и находилось на высоте не менее двух с половиной метров. Показав на лежащий в углу чемодан, сэр Стэффорд сказал с кривой усмешкой:

– Ваши вещи, сэр. По крайней мере, те из них, которые мы сочли нужным вам предоставить.

– И что же мне теперь делать? – я постарался, чтобы моя физиономия выглядела испуганной и глупой.

– Располагайтесь и чувствуйте здесь себя как дома. – Мой провожатый сделал щедрый жест рукой, словно барыга-хозяин, сдающий курятник в Сочи «дикарю», приехавшему отдохнуть на юг из колхоза «40 лет без урожая». – Впрочем, если будете себя хорошо вести, то вам разрешат ежедневную прогулку, а также предоставят право заказывать книги из библиотеки Тауэра. Кроме того, у вас сегодня будут посетители. Кто именно, вы увидите.

– А на вопрос, за что мне такое счастье, вы мне, конечно, не ответите – ехидно спросил я.

– Вы удивительно проницательны, сэр Теодор, – сказал сэр Стэффорд и с издевательским полупоклоном покинул меня.

18 (6) ноября 1854 года.

Хаджиоглу Пазарджик, военный лазарет.

Катберт Алла Ивановна, сестра милосердия Крестовоздвиженской общины

– Это и есть Варна? – спросила я упавшим городом. Моря не было видно вообще. С холма мы увидели небольшой городок, застроенный одноэтажными домиками; в центре виднелись две мечети и приземистая церковь – культовые сооружения других религий надлежало строить ниже, чем любая мечеть того же города. Отдельно располагались несколько особняков, два или три здания, похожие на административные, и два длинных деревянных здания с большими дворами.

– Нет, это еще не Варна, – упавшим голосом сказал Иван Сокира, задунайский казак, вызвавшийся быть нашим проводником. – Это Хаджиоглу Пазарджик. Не извольте гневаться, барышня, виноват, мы не на ту дорогу свернули. Эх, бывал же я в этих местах, и не раз, а почему-то вас не туда повел.

Сегодня утром наш фургон покинул Хайранкёй последним – пришлось менять одно из колес. Всех наших больных перегрузили на другие фургоны и повозки, оставив лишь одну медсестру – то бишь меня – и одну студентку-медичку, с недавних пор мою близкую подружку Сашу Иванову. И хоть формально командиром была именно Саша, де-факто всеми делами пришлось заниматься именно мне.

Кроме них, нам придали два десятка казаков, предупредив, что один из десятков – из того самого «славянского легиона», который не так давно сражался на стороне турок. Но проблем с ними было даже меньше, чем с другими, – очень уж они старались показать, что теперь они свои и верно служат императору Николаю.

И где-то в полумиле от какой-то безымянной деревеньки дорога разошлась даже не на два, а на три рукава. Иван подумал и повел нас по средней дорожке. Так мы и оказались в этом Пазарджике.

– Но не бойтесь, барышня, отсюда я дорогу знаю! Точно знаю! Нужно лишь через город проехать.

В городке к нам сразу же подбежал какой-то мальчик и залепетал по-турецки. Я посмотрела на Ивана.

– Балакает он, что турки вчера убежали, а больных и раненых оставили. У них вон в том караван-сараяе (так я узнала, как эти здания называются) хастане была устроена...

– Лазарет, – поправил его один из его товарищей.

– Да-да, лазарет. А он сам – сын муллы Желтой мечети. Попросил, чтобы вы посмотрели их. Я же ему сказал, что вы – табабы, по-здешнему – дохтуры.

Ну что ж, пришлось ехать в караван-сарай. Уже во дворе, под сенью деревьев и рядом с журчащим фонтаном, лежала куча мусора – по словам Ивана, это было неслыханно, турки на самом деле достаточно чистоплотный народ. Но то, что мы увидели внутри... В трех комнатах стояло по десять кроватей, примерно половина из них была занята человеческими телами, от которых шел устойчивый запах мочи, кала и гнили. На трупах сидели сотни синих, зеленых и черных мух. Только семеро из пациентов подавали признаки жизни, остальные уже были мертвы.

– Аскеры ушли отсюда вчера на рассвете. Кто мог сам идти, ушел с ними, а остальных оставили здесь лежать, – переводил Иван взволнованную речь турчонка.

– И что, у них не было ни еды, ни воды?

– Мы боялись зайти, ханым эфендим²⁹, ведь их ага сказал нам строго, чтобы никто сюда не заходил.

Увидев, что Сашенька борется с рвотными позывами, я решила взять дело в свои руки.

– Скажи турчонку, пусть придут люди – таскать трупы... И пусть приведут с собой муллу.

²⁹ Моя госпожа.

– А ты, Семен, – я обратилась к их десятнику, – скажи своим людям, чтобы взяли носилки – лучше здешние, нечего наши пачкать – и перенесли еще живых к фонтану. Надо их немедленно напоить, затем раздеть их и помыть, а потом Саша их посмотрит.

– Будет сделано, барышня!

Минут через пять прибежали восемь турок во главе с человеком в круглой шапочке вроде еврейской. Он посмотрел на меня с удивлением: турчанки здесь появляются на людях если не в парандже, то в платочке, да и в глаза мужчинам не смотрят.

– Мулла Наср-эд-дин, – представился он на неплохом французском, – я имам Желтой мечети.

– Мейбел Катберт, офицер Русской армии, – ответила я стальным голосом, инстинктивно почуяв, что иначе здесь разговаривать нельзя. – Скажите, имам, есть ли здесь еще больничные помещения?

– Есть, ханым эфендим, – поклонился тот. – Видите, вон там второе крыло, для людей побогаче. Туда они тоже кого-то относили.

– Хорошо, мы их осмотрим, авось еще кого-нибудь найдем. А вы поскорее займитесь трупами. Сейчас, конечно, нежарко, но чем скорее вы их похороните, тем лучше. Тем более что мусульмане, как я слышала, должны похоронить покойника в день смерти. А еще принесите еды – желательна нежирной – и одежды, больных придется переодевать.

– Сделаем, ханым эфендим. И... благодарю вас. Я не думал, что русские так хорошо отнесутся к нам.

Обстановка во втором крыле была и правда не в пример роскошнее, а кроватей с пациентами было всего две. На первой лежал человек в богатой одежде, с лычками к не знаю, что за звание, но, похоже, офицер, – но на глазах у него сидели мухи, и он не двигался, а еще от него разило сладковатым запахом гнили. Мертвец, это понятно было сразу. А вот второй пациент не был похож на турка – кудрявые темно-русые волосы, кавалерийские усы, да и одежда больше подходила к английской охоте, чем к Добрудже. Впрочем, и от него точно так же разило солдатским сортиром.

– Я подданный ее императорского величества, – заверещал он высоким испуганным голосом.

По моему знаку казаки положили его на носилки и понесли из дома, а тот продолжал визжать дальше:

– Я вам живым не дамся. Варвары!

Если бы он был первым, кого я здесь увидела, я бы сдержалась. Но после такого я не выдержала.

– Идиот, – заорала я. – Хочешь сдохнуть, сдохни, англичанин дебильный! Выбросьте его с носилок вон туда, в мусорную кучу, – я знала, что казаки по-английски ни бум-бум, так что не боялась, что они подчинятся моему приказу. А вот англичанин еще больше побледнел и уже жалобно заблеял:

– Не надо, не надо! Но вы же собираетесь меня убить! Наши газеты писали о варварской жестокости русских!

– Лучше бы они писали о том, как ваши аристократы грабили и убивали – что у нас, в Америке, что здесь, в России. Последний раз предупреждаю: либо вы закроете рот и будете держать его в этом положении, пока я к вам не подойду, либо закончите свою жизнь среди отбросов, оставленных вашими турецкими хозяевами! Учтите, я не русская, я американка, сделаю это без всякого сожаления.

Тем временем других пациентов уже мыли, и после Сашиного осмотра – большинство из них, кстати, очень смутились, увидев, что доктор – женщина, – мы обрабатывали раны, накладывали повязки, а турки одевали их в принесенную ими одежду. Только двое из выживших оказались тяжелыми, их мы решили забрать с собой: и того англичанина, у которого, как

оказалось, была сломана нога, и пребывавшего в забытьи молодого турка, чья рана слишком уж сильно гноилась. Иمامу же я сказала, что шестерых остальных можно будет оставить в городе, объяснив ему, как и чем их кормить и поить и как менять повязки. Отдельно я настояла на том, чтобы раны промывали ракией во время каждой смены повязок, на что имам с робкой улыбкой отвечал:

– Не буду вам лгать, ханым эфендим, что у нас нет ракии. Ее делают не только болгары, но и мы, турки, хоть в Коране это и запрещено. И... еще раз спасибо вам. Да хранит вас Аллах! А пока наши жены приготовили для вас и ваших людей скромный обед.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.